

Археологический памятник становится полноценным историческим источником лишь в том случае, если правильно определено время его изготовления или сооружения. Только тогда он может быть включён в число других памятников какого-либо определённого периода или момента истории древних племён и народов и использован для изучения истории их культуры. Между тем вопрос датировки некоторых памятников, находимых по отдельности, вне связи с какими-либо сооружениями, группами предметов или иными комплексами, представляет большие трудности. К числу таких памятников относятся каменные бабы Минусинских степей. И хотя они находятся чаще всего в системе древних сооружений, это не облегчало вопроса об их датировке, а наоборот, приводило вначале к неправильным решениям, так как это не первоначальное, а вторичное их местонахождение.

Каменные бабы Минусинских степей изучаются уже в течение 225 лет. За это время определение их культурной и хронологической принадлежности не раз менялось. Изучение их началось с 1722 г., когда первые учёные путешественники по Сибири, Д.Г. Мессершмидт и Ф.И. Страленберг, впервые обратили своё внимание на эти памятники древности, дали первые их описания и зарисовки. С тех пор минусинские каменные бабы постоянно привлекали к себе внимание учёных исследователей. Их зарисовывают, описывают и находят всё новые и новые экземпляры: в 30-х годах XVIII в. — Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин, в 40-х годах — геодезист И. Шишков, затем члены академических экспедиций 1768-1774 гг. — П.С. Паллас и И.П. Фальк 1. [1] Располагая уже довольно разнообразным археологическим материалом, эти первые исследователи сибирских древностей не могли всё же ещё распределить их по каким-либо хронологическим группам. Все древности Минусинских степей, в том числе и каменные бабы, они приписывали древнему народу, предшествовавшему современным насельникам края.

Более детальное изучение древностей Минусинских степей, с попытками их исторического освещения, начинается с 20-х годов прошлого столетия, с исследований Г.И. Спасского. Вслед за Г.И. Спасским ими занимались М.А. Кастрен, Н.Н. Костров, Н.И. Попов, В.В. Радлов, И.Р. Аспелин и др. Аспелин и Радлов располагали уже значительным материалом, в том числе и добытым путём археологических раскопок. К их времени в науке уже сложилось представление о культурах каменного, бронзового и железного веков. Они смогли и древности Минусинских степей распределить по этим основным делениям. Так как Минусинские степи исключительно богаты находками бронзовых орудий и других бронзовых изделий, так как основная масса исследованных в то время курганов содержала древние погребения с бронзовыми орудиями и так как каменные бабы обычно находятся на курганах, подобных раскопаным, то оба автора относили к бронзовому веку почти все известные им памятники, в том числе и каменные бабы всех типов 1. [2]

Однако вскоре же вопрос о датировке минусинских каменных баб получил новое освещение в работах Н.М. Ядринцева (1885) и Д.А. Клеменца (1886). Ядринцев, считая каменные бабы надмогильными памятниками, одновременными с загадочной ещё в то время орхонской письменностью, отмечает, что китайские хроники, подробно описывая все обычаи хакас, ничего не говорят об обычае ставить на могилах каменные бабы. Отсюда он заключает, что «каменные монументы принадлежали народу, предшествовавшему хакасам или жившему в соседстве с ними». Происхождение каменных баб (а также и орхонской письменности) он относит ко времени до н.э., около 2000 лет тому назад 2. [3] Также и Клеменц отмечает «прямую связь» каменных баб с курганами и руническими (орхонскими) письменами и определяет их как надмогильные памятники. Ссылаясь на сообщения китайских хроник об

обычае у народа Тукю ставить на могилу изображение умершего и камни по числу убитых им врагов и считая, что этот обычай мог быть заимствован у более древних народов, минусинские каменные бабы, а также и рунические письма он относит ко времени между II в. до н.э. — VI в. н.э. 3 [4]

В дальнейшем, вплоть до 20-х годов нынешнего столетия, вопросы датировки минусинских каменных баб в археологической литературе не подвергались пересмотру. В 1921-1925 гг. мною, совместно с Е.Р. Шнейдером, было предпринято специальное исследование этих вопросов. Нами учтено на месте, в музеях и по литературным источникам, 64 памятника. Работая в составе археологической экспедиции С.А. Теплоухова, мы были знакомы во всех деталях с разрабатывавшейся им тогда первой хронологической классификацией археологических памятников Минусинских степей 4 [5] и благодаря этому располагали более широкими, чем наши предшественники, возможностями для правильного решения вопросов о датировке и назначении каменных баб. Нам удалось установить два типа каменных изваяний. Один, представленный всего лишь несколькими экземплярами, принадлежит широко распространённой группе намогильных каменных изваяний тюркских народов первого тысячелетия н.э. Основная же масса изваяний (55 из 64) составляет другой тип. Хотя изваяния этого типа находятся обычно на курганах, но наблюдения показывают, что прежде они стояли в других местах и лишь в последующие эпохи, начиная с 1-го этапа минусинской курганной культуры, были использованы как строительный материал при сооружении каменных оград на курганах. Отсюда следует, что они не являются надгробными памятниками, а представляют собой изображение каких-то божеств и что время их сооружения предшествует 1-му этапу минусинской курганной культуры. Время их бытования определено нами карасукской эпохой I. [6]

Наша датировка была принята и до последнего времени не оспаривалась, хотя она и не может считаться вполне доказанной. Несомненно, что основной тип минусинских каменных баб древнее 1-го этапа минусинской курганной культуры, но принадлежность его именно к карасукской эпохе, а не какой-либо другой, недостаточно обоснована. Основным и почти единственным доводом в пользу карасукской эпохи послужило соображение о необходимости для изготовления каменных баб иметь хорошие металлические орудия вроде бронзовых долот, которые предположительно относятся к карасукской эпохе. Однако внимательное рассмотрение изваяний с точки зрения техники их изготовления показывает, что они отнюдь не высечены металлическими или какими-либо режущими инструментами, а выбиты каменными ударными орудиями, местами же (например желобчатые линии рисунка) шлифованы. Такой способ обработки камня практиковался с неолита и, вероятно, до железного века включительно. Следовательно, техника изготовления каменных баб не может дать решительно никаких указаний на эпоху их сооружения.

Спустя два года после нашей работы, в Финляндии были опубликованы обширные материалы по минусинским каменным бабам и писаницам, собранные И.Р. Аспелином в 1887-1889 гг., увеличивающие количество известных минусинских каменных баб ещё на 16 экземпляров, но не дающие чего-либо принципиально нового для их понимания или для их датировки 2. [7] Ещё годом позже специальное исследование по вопросу о семантике орнамента минусинских каменных баб предпринял С.В. Киселёв. Не касаясь вопроса о назначении каменных баб и не подвергая пересмотру их датировку, он делает попытку проследить смену культово-космических образов на протяжении почти двух тысяч лет 3. [8] Других специальных исследований по вопросу о минусинских каменных бабах не производилось. Однако некоторые новые материалы, добытые раскопками или ставшие известными по публикациям за последние 18 лет, позволяют вновь вернуться к вопросу об их хронологическом определении. Теперь из общей массы каменных баб основного типа можно выделить более ранние формы, связать их с определённым культурным комплексом и, таким

образом, уточнить и исправить датировку всей группы так называемых карасукских каменных баб. В связи с этим представляется возможность заново пересмотреть и вопрос о назначении этих каменных баб и об их роли в процессе развития культуры древних племён Минусинских степей.

Прежде чем перейти к рассмотрению всех этих вопросов, необходимо сначала определить основные характерные особенности древней группы минусинских каменных баб. Несмотря на кажущееся на первый взгляд чрезвычайное разнообразие их формы, они все же представляют собой весьма однородную группу памятников, единого, в основном, художественного стиля (рис. 1 и 2). Они отличаются следующими характерными особенностями.

1. Каменная баба представляет собой монумент в виде плиты или столба с изображением внизу, реже посередине, головы человека. Это не фигура человека, хотя бы и крайне условная, которую можно было бы назвать каменной статуей, истуканом, болваном и т.д., а камень, на поверхности которого помещено изображение головы человека, не рассчитанное на то, чтобы хоть в какой-то мере сделать камень похожим на фигуру человека.

2. Голова изображена всегда в фас графически или слабым рельефом, всегда условно. Овал лица обведён правильной замкнутой линией или чётко выделен рельефом. Часто на рельефно выделенном гладком овале лица детали его изображены графически.

3. Изображение головы человека всегда не реальное; на лице обычно проведены одна, две и даже три горизонтальные линии непонятного нам пока значения, пересекающие его на уровне носа, верхней губы и лба; на лбу часто изображён третий глаз (рис. 1, 4 и др.); часто голова изображена со звериными рогами и ушами и другими обрамляющими её придатками непонятного нам сейчас значения, в том числе и длинной волнистой или змеевидной лентой, поднимающейся вверх от середины головы.

4. Изображения всегда женские. Однако, поскольку имеется противоположное мнение, необходимо на этом остановиться подробнее. С.В. Киселёв считает все изображения, кроме четырёх, мужскими. Он пишет: «Поскольку женские изображения отмечены специально (на четырёх стелах изображена грудь и однажды, невидимому, женский половой орган), то вряд ли будет ошибкой считать остальные (а их подавляющее большинство) мужскими изображениями» 1. [9] Объясняя появление мужских изображений развитием патриархальных отношений в карасукскую эпоху, он строит на этом и дальнейшие свои выводы. Никаких других доводов в пользу такого определения изображений он не приводит, да и не может привести. Ни на одном из рассматриваемых 72 памятников нет ни одного намёка на то, что перед нами изображение мужчины, а не женщины. Если бы в практике древнего населения Минусинских степей существовал обычай изображать мужчин и женщин, то в этих изображениях можно было бы уловить хоть какие-нибудь отличия, позволяющие разделить их на две группы. Ничего подобного в действительности нет. Поэтому не представляется никакой возможности установить наличие двух разных типов изображений — мужских и женских. Отсюда следует заключить, что все изображения одного пола — либо мужские, либо женские. Так как все они без усов и бороды, то естественно предположить, что это изображения женщины.

Определяется это не только указанными негативными признаками — отсутствие усов и бороды, но в некоторых случаях и позитивными — наличие женской груди (рис. 1, 1 и 3). Изложенные соображения позволяют утверждать, что на рассматриваемых минусинских каменных бабах во всех случаях изображена голова женщины, даже тогда, когда изображение её состоит всего лишь из овала, внутри которого помещены два кружка (глаза),

горизонтальная черточка (рот) и пересекающая лицо линия (рис. 2, 2 и 6).

5. На боковых гранях камня, а иногда и на лицевой, изображены круги с четырьмя лучеобразными уголками — невидимому, солярные знаки.

Перечисленные особенности отличают рассматриваемую группу минусинских каменных баб от всех других типов каменных баб, широко распространённых в степях и горных районах Азии и Восточной Европы, в том числе и от поздних типов в Минусинских степях. В эту группу в указанной выше нашей работе включено и несколько таких каменных баб, которые не вполне соответствуют или даже совсем не соответствуют данной характеристике 1, [10] но они ближе всего стоят именно к этому, а не к какому-либо другому типу. Сейчас часть из них может быть определена как ранняя форма древнего типа минусинских каменных баб. Это стало возможным благодаря замечательной находке С.В. Киселёва в г. Абакане в 1945 г. при раскопке раннеандроновских могил, содержащих характерную глиняную посуду, покрытую орнаментом по всей наружной поверхности, включая и дно, спиральные бронзовые височные кольца и бусы из сине-зелёного камня и светлой пасты. В погребении №4 обнаружены две костяные пластинки с выгравированным на них изображением женщины.

1-я абаканская пластинка представляет собой исключительный по своеобразному, изумительно изящному и строгому стилю рисунка памятник изобразительного искусства древнесибирских племён. В верхней части её тонкими линиями выгравирована женская голова с длинными волосами, расчёсанными на прямой пробор и спадающими по бокам ниже плеч (рис. 3) 2. [11] На длинном лице с острым подбородком прямыми черточками показаны глаза, брови, нос и рот. По бокам подбородка изображены, повидимому, подвесные ушные украшения. В верхней части груди выгравирована орнаментальная полоса, вероятно, шитое украшение ворота одежды, вряд ли ожерелье.

2-я абаканская пластинка имеет такое же, но менее искусно выполненное, изображение. Волосы также спадают по бокам ниже плеч, но в верхней части головы они даны прямыми линиями, расходящимися в стороны от лба и висков, как на таштыпской каменной фигурке, о которой речь будет ниже. На месте ушных украшений, выгравированных на изображении первой пластинки, здесь обозначены два кружка 3. [12]

Неожиданная находка замечательных абаканских пластинок впервые знакомит нас с изображениями человека в памятниках андроновской культуры. Однако эти изображения не единственные в своём роде, не совершенно исключительное явление. В комплексных находках пока действительно не известно ничего подобного, но среди памятников древнего изобразительного искусства из числа случайных находок, а потому недатированных или датированных неточно или неверно, есть очень близкие аналогии.

Таштыпская каменная фигурка должна быть упомянута в первую очередь как наиболее близкая аналогия к абаканским пластинкам (рис. 4). Она найдена на р. Таштып и приобретена И.Р. Аспелином в 1887 г. 4 [13] Хранится в Гельсингфорском музее. Такая же маленькая, как и абаканские (длина 42.5 мм), вырезана из мягкого камня — агальматолита 1. [14] Голова исполнена круглой скульптурой. Детали её показаны слабым рельефом. Длинные распущенные волосы и совершенно подобные изображенным на первой абаканской пластинке ушные украшения (серьги) исполнены врезанными линиями. Характерен удлинённый острый подбородок. Опубликовавший эту фигурку в 1938 г. А.М. Тальгрэн о времени её изготовления мог сказать только, что она относится, вероятнее всего, к эпохе металла 2. [15] Теперь же совершенно определённо можно датировать её временем, близким к абаканским пластинкам, т.е. андроновской эпохой, вероятно, её началом.

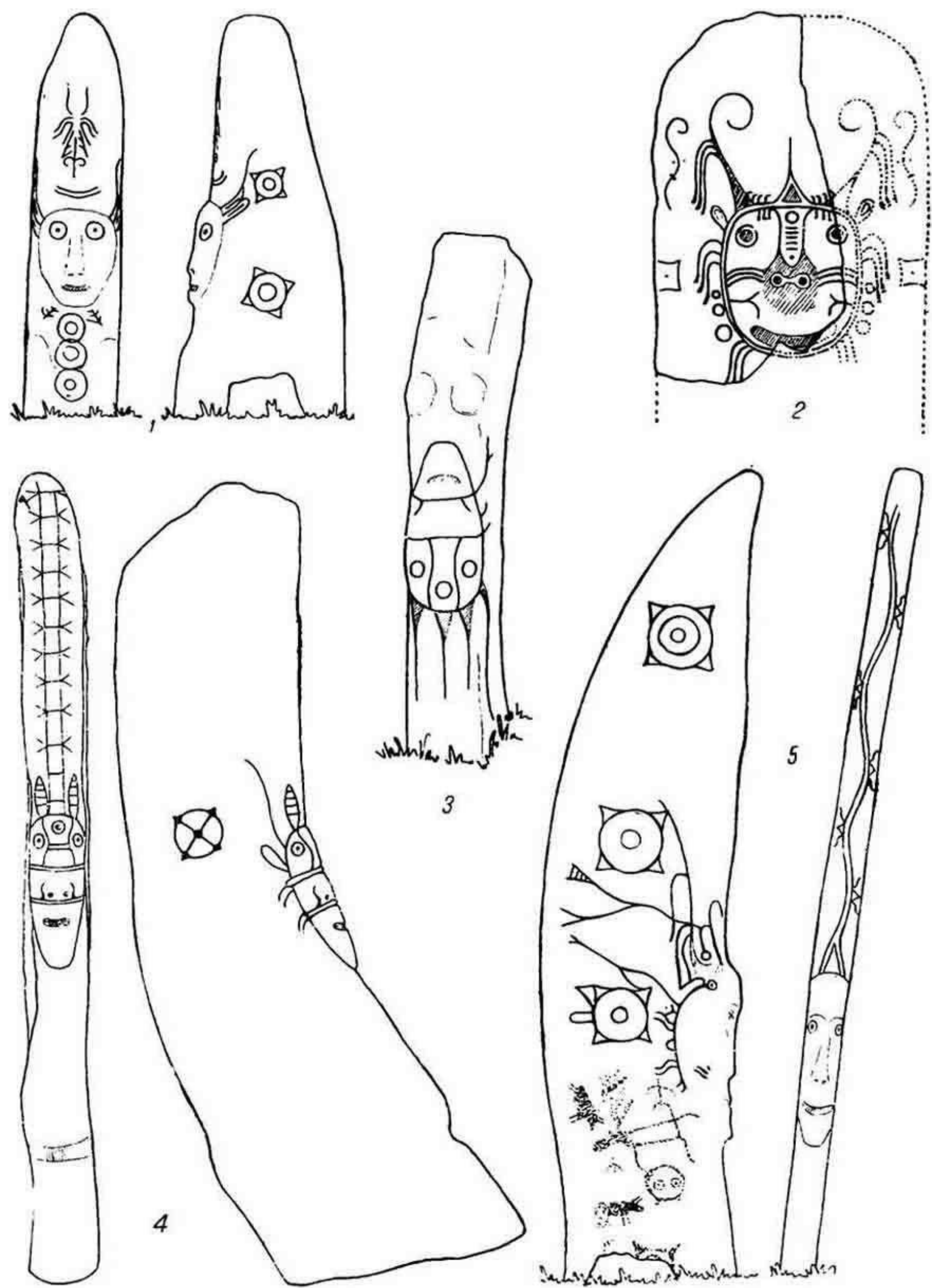

Рис. 1. Минусинские каменные бабы.

1 — на р. Бире, близ улуса Тазмина; 2 — на р. М. Есь, близ улуса Кыласова (Томский университет); 3 — «Ахмарчинская Кыс», близ улуса Верхне-Биджинского; 4 — неизвестного происхождения (Минусинский музей); 5 — «Бирский камень» на р. Бире, близ улуса Тазмина (Гос. музей этнографии). 1 и 2 — гранит, остальные — песчаник.

Бейская каменная фигурка, вероятно, также является вариантом андроновских антропоморфных изображений (рис. 5). Найдена на Бейской заимке на р. Бее. Хранится в Минусинском музее. На плоском валуне неправильно овальной формы в 33 см длиной изображено лицо человека, вероятно женщины (нет усов и бороды), исполненное слабым рельефом техникой выбивания. Волосы, украшения и другие детали не показаны 3. [16]

Усть-Есинская Кыс-таш — каменная баба близ с. Усть-Есь, несомненно, принадлежит к тому же типу изображений и относится к тому же времени. Хранится в Минусинском музее (рис. 6 и 7). За последние 200 лет она неоднократно описывалась и зарисовывалась. Однако из-за несовершенства рисунков, по-разному указанных сведений о её местонахождении и по разным её наименованиям можно было бы думать, что авторы сообщают о нескольких различных памятниках 4. [17] Поэтому необходимо сопоставить вместе все эти сообщения и рисунки.

Первые сведения о памятнике были даны в 1739 г. Г.Ф. Миллером и И.Г. Гмелином, которые назвали его «Кичик-куртуяк». В 6 верстах от р. Тёи («Тюэ»), сообщает Миллер, и в 2 верстах от берега р. Абакан, при одной маленькой и низенькой могиле стоял камень шириной и высотой в аршин, на северной стороне которого изображено человеческое лицо с длинными волосами 5. [18] В 1785 г. И.П. Фальк, лично не видевший памятника, а получивший сведения о нём и чертежи в воеводской канцелярии г. Кузнецка, сообщает: «На левом берегу р. Абакана, в Кузнецком уезде, в так называемой Китайской степи, стоят две статуи в недалёком расстоянии, которые тамошние кочевники называют Куртаяк-таш, т.е. старухи-камни..., сделаны из неотёсанного мягкого красноватого песчаника» 6. [19] На приложенном чертеже памятник представлен стоящим вертикально на земле без повреждений (рис. 8, 1).

Ясно видна верхняя часть тела человека без деталей. В 1847 г. М.А. Кастрен осмотрел памятник на месте и сообщил, что «около старой Сагайской церкви (Усть-Есь) лежит упавшее каменное изображение женщины, называемое «Кыс (девица)», что раньше оно стояло на кургане Кыз-коза (Девичий курган), теперь разрытом 1. [20] Сделано на сланцевой плите длиной в 2 арш. 2 д. (1 арш. 14 д.), шириной в 1 арш. 1 д., т.е. длиной в 147 см (107 см), шириной 74 см. 2 [21] Края плиты как вверху, так и внизу закруглены (рис. 8, 2) 3. [22]

Семью годами позже, в 1854 г., Н.А. Костров сообщает, что камень Кичик-кыс-таш находится против дер. Усть-Есь, в 3 верстах от горы Сары между четырьмя курганами, разрытыми глубиной аршин на пять к 1846 г. окружным начальником. На камне высотой не более полутора аршин «изображено небольшое женское лицо, глаза, брови, щеки, груди; на голове обозначены волосы, заплетённые косами» 4. [23] В 1863 г. памятник осмотрен В.В.

Радловым, который сообщает, что Кыс-таш находится на могиле на р. Еси, представляет собой плиту овальной формы высотой в полтора аршина, на гладкой стороне её изображено лицо девушки с косами по обеим сторонам и что раньше этот камень стоял где-то в другом месте, а здесь поставлен лишь лет 50 тому назад 5. [24] Наконец, И.Р. Аспелин в 1887 г. памятника на месте уже не застал. Нижняя часть его была отбита и переделана на мельничный жернов, а верхняя перевезена в Минусинский музей, где он её и зарисовал (рис. 8, 3). По собранным Аспелином сведениям, памятник находился на могиле в двух верстах к СЗ от с. Усть-Есь. Судя по зарисовке Аспелина, это курган, повидимому, 2-го этапа минусинской курганной культуры. На этом же кургане лежал ещё один камень с изображением лица человека и другой камень, на узком ребре которого вырезано 62 поперечных черты. Курган был «основательно перерыт», по словам местных жителей, Кастреном или, как говорят другие, это случилось до него 1. [25]

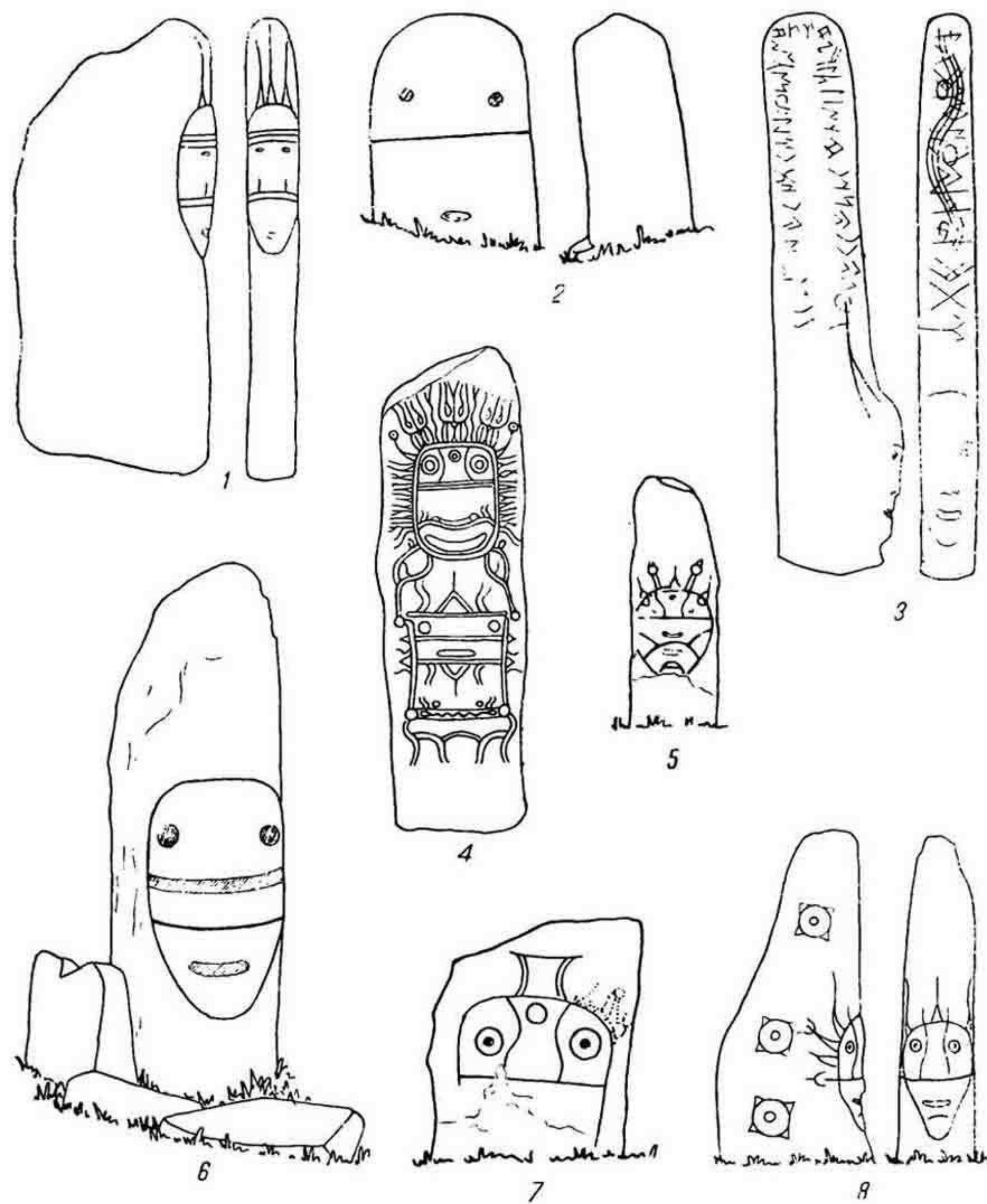

Рис. 2. Минусинские каменные бабы.

1 — на р. Немир, близ улуса Аштыша (Томский университет); 2 — на р. Б. Сыр, близ улуса Сафьянова; 3 — на р. Уйбат, близ улуса Чарнова; 4 — на р. Бире, близ улуса Тамина (Минусинский музей); 5 — неизвестного происхождения (Минусинский музей); 6 — неизвестного происхождения (по фото Томского университета); 7 — близ оз. Шира; 8 — на р. Бире, близ улуса Тамина. 1, 3, 6 — песчаник, остальные — гранит.

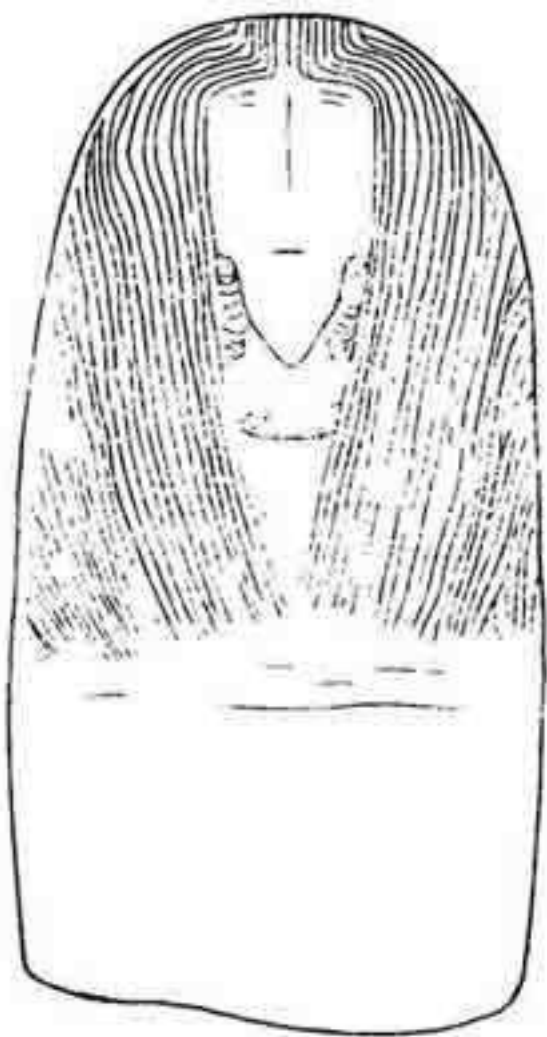

Рис. 3. Абаканская костяная пластинка из погребения раннеандроновского времени.

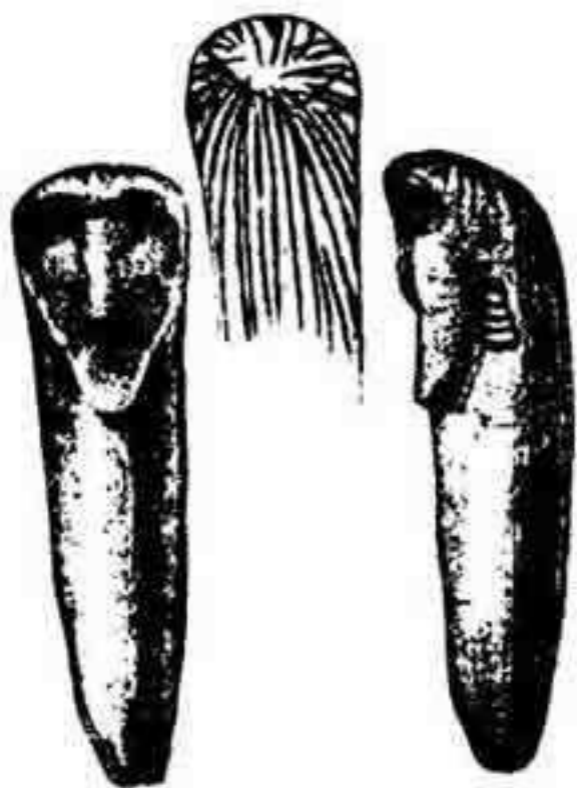

Рис. 4. Таштыпская каменная фигурка (нат. вел.).

Рис. 5. Бейская каменная
фигурка головы человека
($\frac{1}{2}$ шт. бел.).

Усть-Есинская Кыс-таш (девица-камень) стилистически ближе всего к первой абаканской пластинке. На плоском камне, также с округлым верхом, изображена лишь голова и верхняя часть тела женщины 2. [26] Слабым рельефом выделены подбородок, нос и лоб. Глаза и рот показаны углублениями, волосы и контуры верхней части тела — врезанными линиями. Как и на абаканской пластинке, волосы без пробора спадают по бокам головы, но не закрывают плеч. Детали лица выполнены иными приёмами, но также условно и схематично. Характерен острый подбородок.

Все пять рассмотренных изображений (или четыре, если не считать Бейскую фигурку) имеют некоторые отличия друг от друга, обуславливаемые частично материалом, размерами и техникой изображения, но стилистически они представляют собой единую группу памятников. Общим для них является то, что во всех случаях на удлинённом предмете, плоском или круглом, в верхней его части, изображена верхняя часть женской фигуры — голова и плечи или только голова, без каких-либо не свойственных человеку дополнений. Лицо выполнено в самых общих чертах — с длинным прямым носом и острым подбородком. Обычно показаны длинные волосы и в двух случаях серьги (или какие-то другие ушные украшения).

Наличие рассмотренных пяти памятников свидетельствует о распространённости в раннеандроновское время обычая делать изображения женщины определённого типа от маленьких в 4 см длиной, как Таштыпская каменная фигурка и абаканские костяные пластинки, до крупных каменных монументов в 1.5 м длиной. Изображения, несомненно, культового характера и, следовательно, указывают на наличие в мировоззрении минусинских раннеандроновских племён культового образа женщины. Но культовый образ женщины нам известен также и по большой группе памятников, предположительно относимых пока к карасукскому времени, — по многочисленным минусинским каменным бабам. Естественно встаёт вопрос — не связаны ли эти две группы памятников друг с другом более тесно как по своему культовому значению, так и хронологически. Отметим при этом, что Усть-Есинская Кыс-таш, включённая нами в группу раннеандроновских памятников, до сих пор числилась в составе основной группы минусинских каменных баб. Рассматривая с этой точки зрения каменные бабы, мы найдем среди них такие, которые покажут, что, действительно, такая связь есть, что Усть-Есинская Кыс-таш, следовательно и вся группа раннеандроновских женских изображений, связана серией переходных форм с основным типом минусинских каменных баб.

Каменная баба Асочакова улуса (рис. 9) 1 [27] в первую очередь должна быть сопоставлена с раннеандроновскими изображениями женщины. Это каменная плита высотой в 90 см (не считая часть, скрытую под землёй), такой же ширины в основании и в 20 см толщиной 2. [28] На узкой её грани изваяно в слабом рельефе лицо женщины. В самых общих чертах намечены нос, глазные впадины, щёки. Рот обозначен овальной ямкой, глаза же совсем не показаны. Подбородок не острый, как во всех предыдущих случаях, а прямоугольный. Выше лба — волосы или головной убор без каких-либо деталей. От раннеандроновских изображений Асочаковская баба отличается тем, что лицо помещено на узкой грани плиты, а не на широкой, а также отсутствием ясного рисунка волос и широким подбородком. От основного типа каменных баб Асочаковская отличается отсутствием каких-либо дополнений в виде звериных рогов и ушей, поперечной линии через лицо и т.д., а также положением головы в верхней части камня.

Каменная баба неизвестного местонахождения, известная мне по фотографии А.В. Адрианова (рис. 10) 1, [29] также должна быть сближена с раннеандроновскими женскими изображениями. В верхней части широкой грани плиты, расширяющейся книзу, дано крайне схематическое изображение лица человека в фас — нос, глаза и рот, выполненное с

минимальной затратой труда. Глаза — овалы со слабым возвышением посередине, нос — незначительное углубление поверхности камня вдоль его контуров, постепенно сходящее на-нет. С раннеандроновскими изображениями этот памятник сближается по композиции, с каменными бабами основного минусинского типа он ничего общего не имеет.

Последние два памятника могут быть объединены в одну группу с Усть-Есинской Кыс-таш, но для установления связи последней с основным типом каменных баб ничего не дают. В этом отношении интересны следующие два памятника.

Уйбатская Кыс-таш, представляющая собой почти полную фигуру женщины (рис. 11 и 12), стояла в качестве углового камня ограды на могиле 1-го этапа минусинской курганной культуры в Уйбатском чаатасе близ Маркова улуса на р. Уйбате 2. [30] В 1936 г. вывезена М.М. Герасимовым в Ленинград, в Эрмитаж, где теперь и хранится 3. [31] Гранитная плита, размером 2.00×0.65×0.35 м, превращена в фигуру женщины. Рельефом выделен овал лица, грудь в виде двух овальных возвышений, выпуклый живот, и затылок отделён от плеч. Волосы, детали лица и руки показаны углублёнными линиями. Такой же линией обведён овал лица. Глаза и ноздри обозначены круглыми, а рот и пупок на животе — овальными ямками. Поперёк лица, на уровне носа, проведена горизонтальная линия. На лбу помещён третий глаз. Корчинская баба в верховьях р. Бири близ улуса Корчина, сходная с предыдущей (рис. 13) 1. [32] Стоит также в качестве углового камня ограды на могиле, судя по внешнему виду, — 1-го этапа минусинской курганной культуры. Поставлена вниз головой. Представляет собой глыбообразный гранитный столб высотой около метра. На более узкой стороне его рельефом выделен выпуклый овал лица и под ним — женская грудь в виде двух округлых возвышений. На боковых широких сторонах углублёнными линиями изображены руки. Детали лица по фотографии плохо различимы. Ясно видна лишь широкая углублённая поперечная полоса, пересекающая лицо на уровне носа, и заметны круглые углубления, обозначающие глаза и ноздри носа.

Последние два памятника 2. [33] подобно раннеандроновским изображениям, представляют собой камень, превращённый в фигуру женщины. Изображение более полное — не только голова и плечи, но также грудь, руки и в одном случае — живот. На Уйбатской бабе изображены длинные волосы. Нет дополнительных изображений, обрамляющих лицо. На этих двух памятниках появились, однако, и новые черты, которые в дальнейшем будут характерны для основного типа минусинских каменных баб. Это — выделенный из плоскости плиты выпуклый овал лица, поперечная горизонтальная линия на уровне носа и третий глаз на лбу. Наконец, лицо помещено на узкой грани камня, что характерно для большей части каменных баб основного типа.

Рис. 6. Усть-Еспинская Кыс-таш — каменная баба близ с. Усть-Есь.

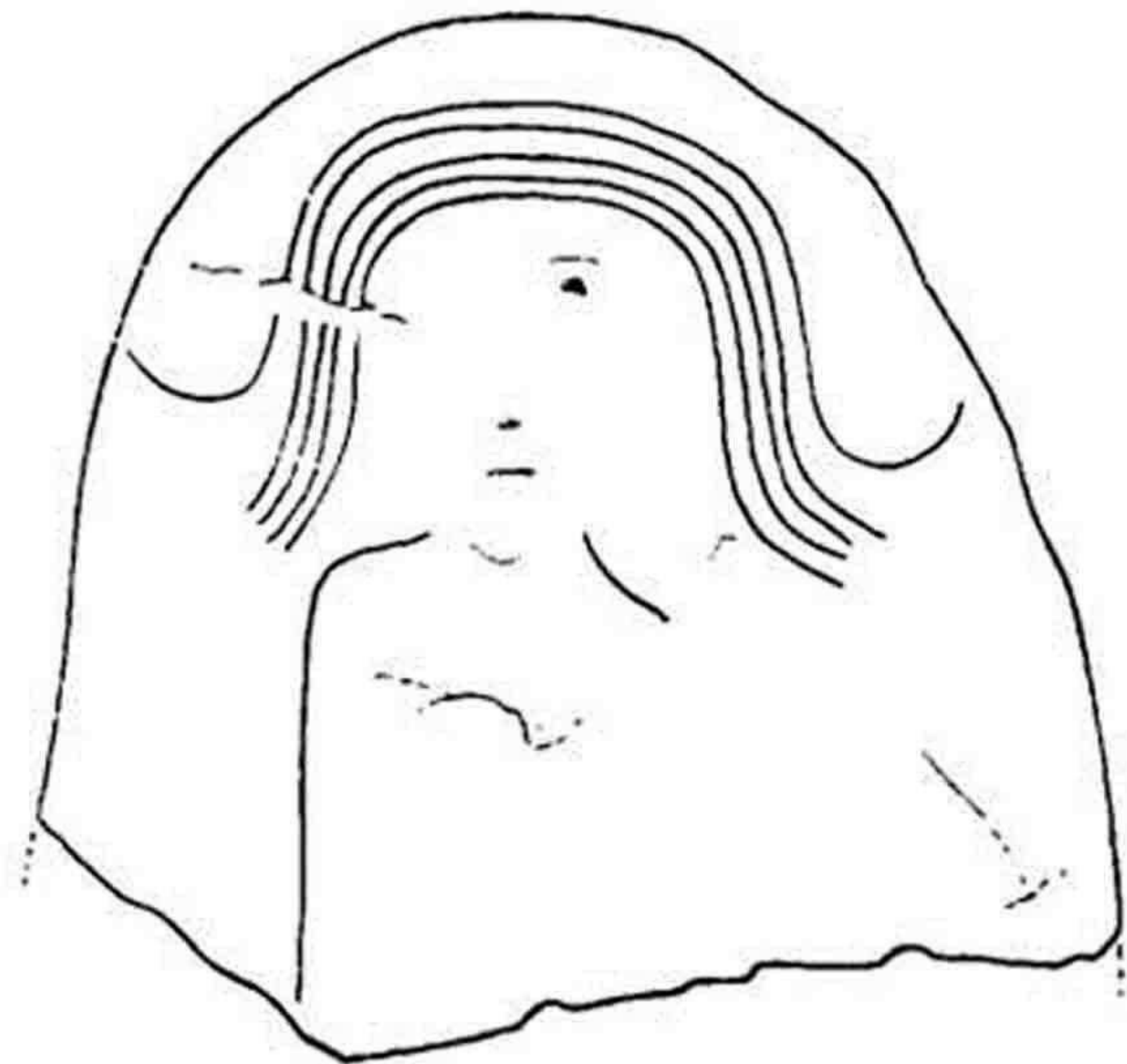

Рис. 7. Усть-Есицкая Кыс-таш
(прорись).

2

3

1

Рис. 8. Усть-Есинская Кыс-таш.

1 — по Фальку; 2 — по Кастрену; 3 — по Аспелину.

Рис. 9. Каменная баба близ Асочакова улуса.

Таким образом, Уйбатскую Кыс-таш и Корчинскую бабу можно рассматривать как промежуточные формы между Усть-Есинской Кыс-таш с подобными ей мелкими женскими фигурками и основным типом минусинских каменных баб. В них сочетаются признаки обеих групп памятников. Также к переходным формам, но более близким к основному типу, можно отнести ещё два памятника.

Каменная баба близ улуса Верхний Долгий Маяк (рис. 14, 1) стоит в качестве углового камня на могиле, повидимому, 1-го этапа минусинской курганной культуры 1. [34] На широкой каменной плите высотой около 80 см, на широкой её грани, углублёнными линиями изображён овал лица с глазами-точками, ртом-чёрточкой и горизонтальной чертой, пересекающей лицо ниже глаз. Такими же линиями изображены волосы в виде лучеобразных чёрточек вокруг головы и контуры плеч.

Каменная баба близ Чаркова улуса, подобная предыдущей, хуже сохранившаяся (рис. 14, 2). Стоит на кургане 2-го этапа минусинской курганной культуры. На широкой гранитной плите, высотой около 120 см, той же техникой выполнено почти совершенно такое же изображение, как и на предыдущей, но без поперечной черты на лице и с волосами, показанными всего лишь тремя чёрточками 2. [35]

Оба памятника настолько близки к основному типу каменных баб, что их можно было бы рассматривать как один из многих вариантов в общем единого типа, но они имеют также ряд признаков, сближающих их с раннеандроновскими изображениями женщины. Особенно отчётливо это видно на первом — из улуса Верхний Долгий Маяк. Здесь попрежнему изображение помещено в верхней части широкой плиты, изображены волосы и плечи, нет никаких дополнений к человеческому лицу, кроме поперечной линии через нос.

Рассмотренные семь памятников не представляют собой особого сложившегося типа каменных баб. Это ещё не выработавшиеся, сильно варьирующие, ранние формы основного типа минусинских каменных баб. Это первые опыты по изготовлению монументальных каменных изображений женщины, приведшие в дальнейшем к созданию чрезвычайно своеобразного, многообразного по формам и в то же время единого стилистически, типа минусинских каменных баб эпохи бронзы.

Все каменные бабы эпохи бронзы в Минусинских степях принадлежат к одному типу, более ранние формы которого ещё не обладают всеми характерными для него чертами или даже совсем их не имеют, как, например, Усть-Есинская Кыс-таш. Эти формы определены нами как ранние на основании близкого сходства их с группой раннеандроновских изображений женщины, в числе которых находится и одна каменная баба — Усть-Есинская Кыс-таш. Теперь, когда более ранние формы каменных баб выделены из общей массы памятников, можно видеть, что и стилистические особенности их подтверждают такое определение. Ранние формы отличаются более или менее искусным воспроизведением женского образа, ничем ещё не осложнённого, порой наивного в своей простоте и примитивности передачи форм человеческой фигуры. и отсутствием каких-либо установившихся традиций в изобразительных приёмах. В основной же массе изваяний мы видим характерный сложившийся иконографический образ, почти совершенно утративший прежний реальный облик изображения, в своём изобразительном оформлении сохранивший от полной фигуры женщины или от верхней её части только лицо, но зато обогащённый многими новыми дополнениями, нам пока непонятными, и образ этот нашёл своё внешнее выражение в сложившемся, стилистически едином, но разнообразном по формам, типе памятников.

Если ранние формы каменных баб датируются раннеандроновским временем, то остальные

должны принадлежать частью тому же времени, частью последующему периоду истории древних минусинских племён, т.е. времени развитой андроновской культуры. Сейчас мне известно 72 памятника этого типа, распространённых на сравнительно небольшой территории — около 250 км в длину и менее 100 км в ширину (меньше Крыма). Несомненно есть и ещё такие же памятники, мною не учтённые. Судя же по тому, что часть памятников, о которых сообщали исследователи XVIII и XIX вв., теперь уже не существует, что уничтожение каменных баб имело место и в древности (примером может служить Знаменская баба, о которой речь будет далее), надо думать, что в своё время количество их было значительно больше (быть может, в несколько раз больше известного нам сейчас) 1.

[36] Такое количество монументальных памятников вряд ли могло относиться к короткому промежутку времени. Период их создания должен охватывать несколько столетий, вероятно всё время существования андроновской культуры, а может быть, и больше, но не намного, так как уже на I-м этапе минусинской курганной культуры население пользовалось ими как строительным материалом при сооружении могил, ставило их в качестве простых каменных плит и столбов на могильных оградах, совершенно не считаясь с имеющимися на них, когда-то священными, изображениями, ломало их на куски для устройства стен и покрытия могильной ямы. Особый интерес представляет Знаменская баба, обнаруженная крестьянами в могиле I-го этапа минусинской курганной культуры. Обследовавший место находки А.В. Адрианов сообщает, что каменная баба была разбита на две части, которые употреблены на устройство покрытия и одной из стен могильной ямы. Но особенно знаменательно то, что эта каменная баба давно уже не почиталась. Ещё до того, как она попала в могилу, когда она ещё стояла в степи, ею пользовались, забыв о её первоначальном назначении, как местом, где можно было выбивать так называемые наскальные рисунки, или писаницы. На её широкой гладкой боковой поверхности выбиты изображения четырёхколесной крытой повозки и, повидимому, лошади 1.

[37] Отсюда следует заключить, что в конце карасукской эпохи, а может быть, и с самого ее начала, каменные бабы уже не почитались, следовательно, и не изготовлялись и что время их сооружения ограничивалось андроновской культурой и только, быть может, частично — началом карасукской.

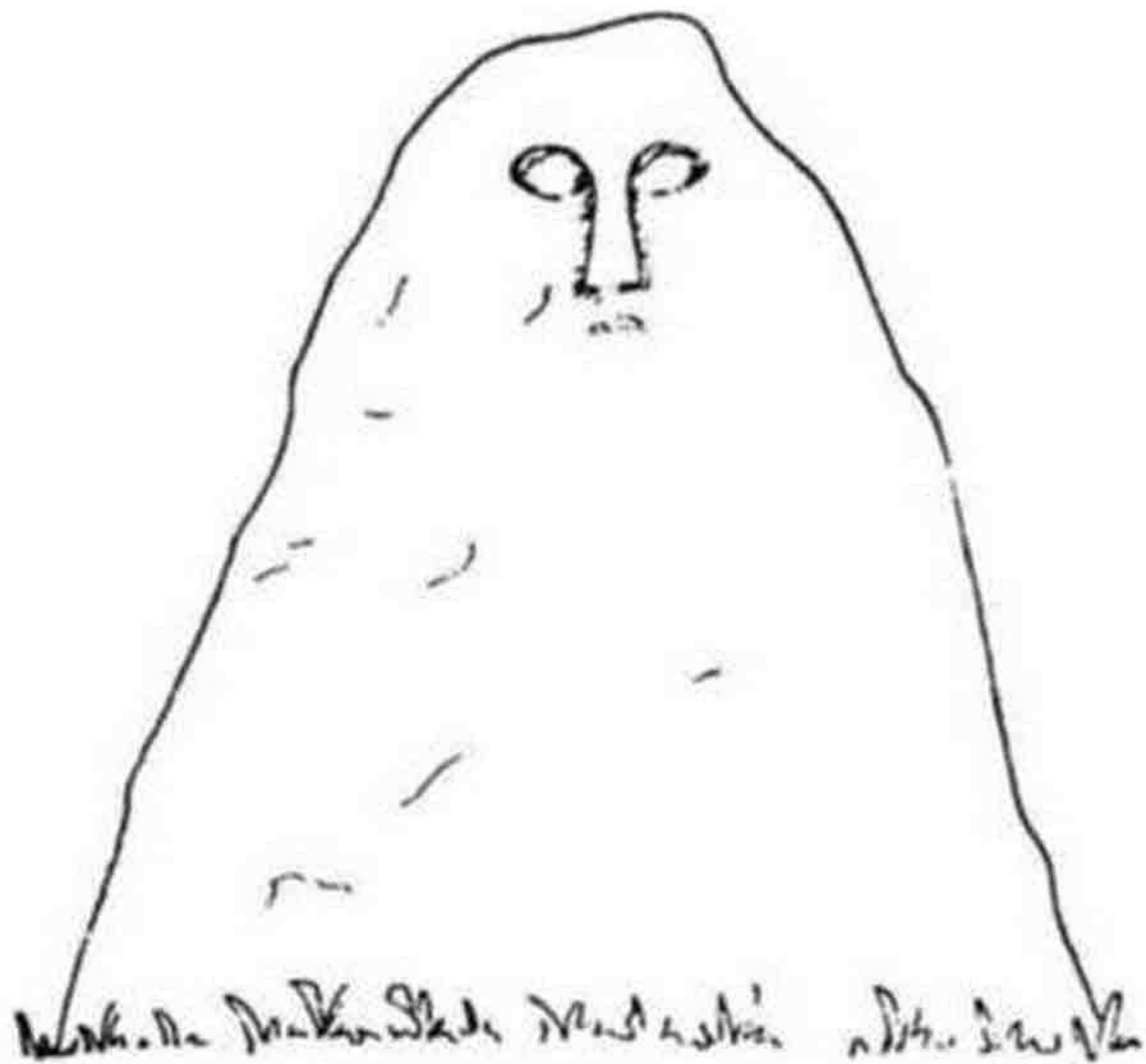

Рис 10. Минусинская каменная баба
(точное местонахождение не известно).

Рис. 11. Уйбатская Кыс-таш — каменная баба близ улуса Чаркова (Эрмитаж).

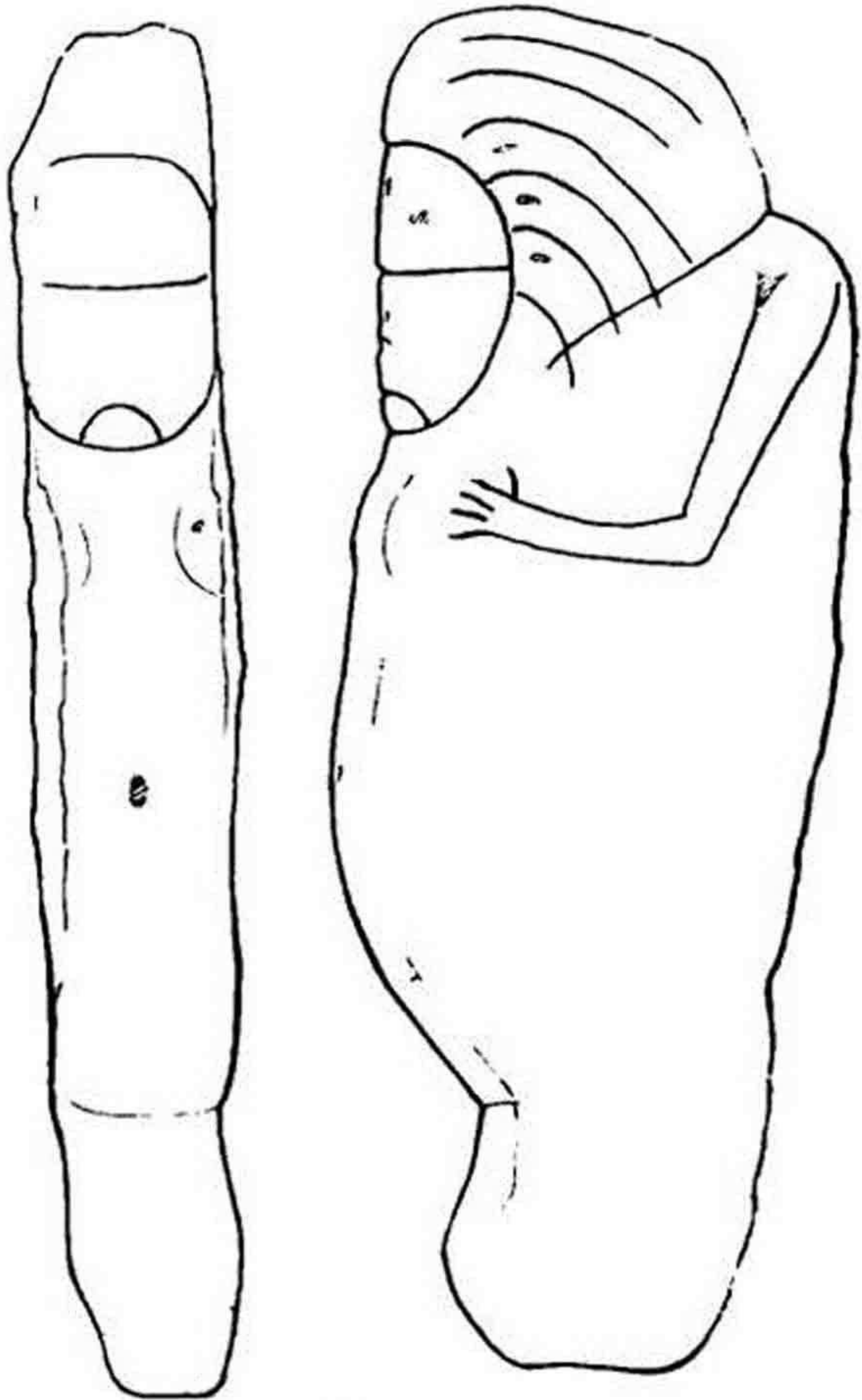

Рис. 12. Уйбатская Кыс-таш! (про-
рись).

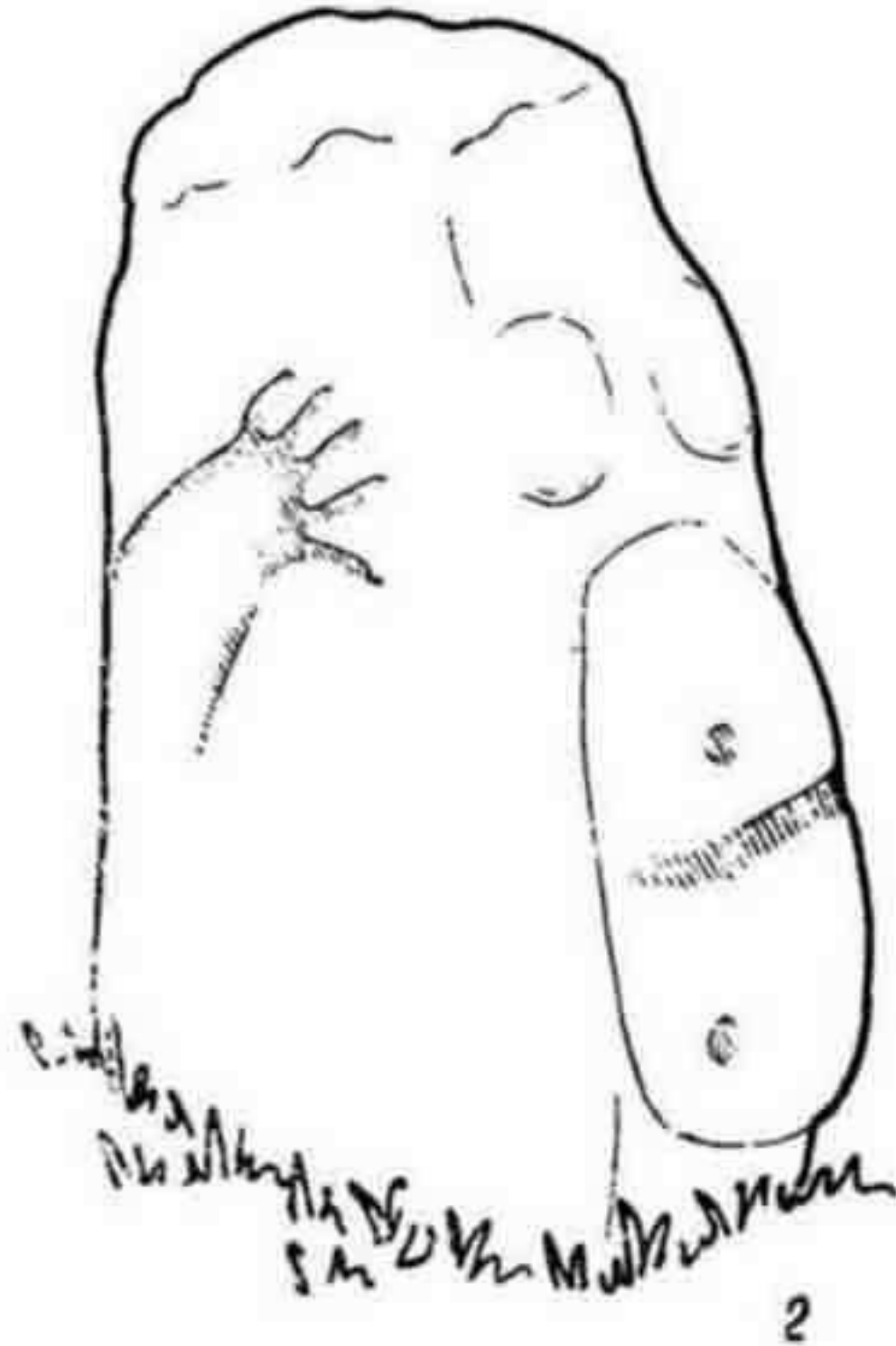

Рис. 13. Корчинская баба — каменная баба близ улуса Корчина на р. Бире.

1 — фото Минусинского музея; 2 — прорись.

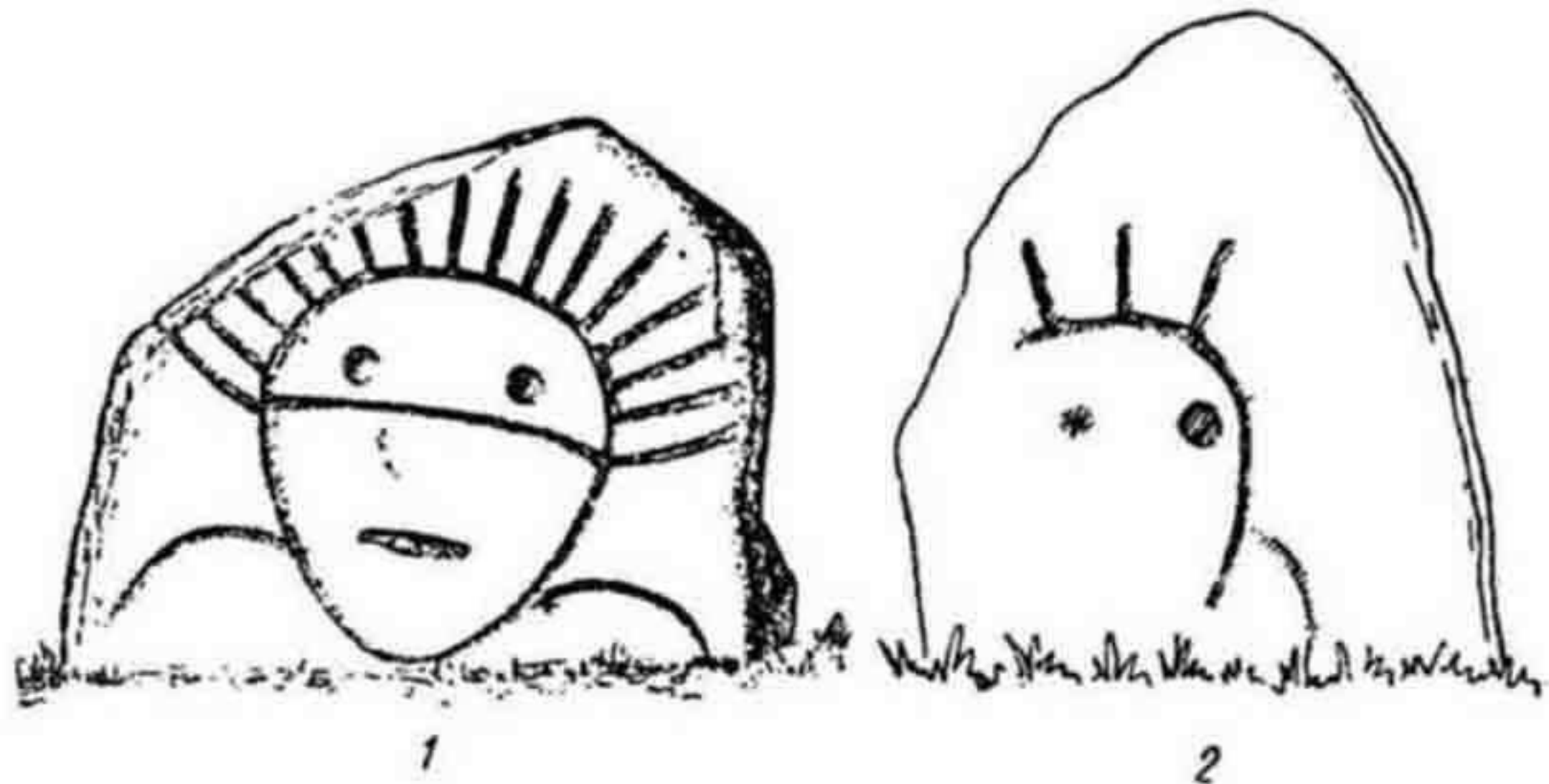

Рис. 14. Минусинские каменные бабы.

1 — близ улуса Верхний Долгий Маяк (в районе р. Ербы); 2 — близ улуса Чаркова на р. Уйбат.

Далее, на протяжении ряда столетий, в Минусинских степях каменные бабы не сооружались, и нам не известно ни одного такого памятника, который можно было бы отнести к минусинской курганной культуре.

Наиболее ранними, после всех рассмотренных, следует считать два памятника, известные в литературе под именем «Кижиташ» и «Улу-Кыс-таш». Они находились на левом берегу р. Абакан между селами Аскыз и Усть-Есь в так называемой Могильной степи 1. [38] П.С. Паллас видел их здесь в 1772 г. лежавшими на земле друг около друга 2. [39] Там же и в том же положении их застал Г.И. Спасский в 1818 г. 3, [40] но через некоторое время они были кем-то перевезены в с. Аскыз и, как сообщает И.Р. Аспелин, поставлены рядом перед церковью 4. [41] Н.А. Костров в 1854 г. сообщает, что Улу-Кыс-таш стоит против церкви и служит коновязью, а Кижиташ употреблён в качестве ступени крыльца у купеческого дома 5. [42] И.Р. Аспелин в 1887 г., найдя Кижиташ на прежнем месте (ступень крыльца), а Кыс-таш лежавшей на заднем дворе школы, распорядился поставить их у стены Сагайской думы 6. [43] Дальнейшая судьба памятников не известна.

Эти памятники известны сейчас лишь по описаниям Палласа, Спасского и Аппельгрена-Кивало, а также по несколько фантастичным зарисовкам Спасского 7 [44] и Аспелина 8. [45] Оба сделаны из песчаника, представляют собой четырёхгранные столбообразные плиты высотой около 2 м с высеченными на трёх гранях изображениями.

Кижиташ на лицевой стороне имеет изображение верхней части фигуры человека, на боковых — несколько мелких фигур (рис. 15). На правой стороне камня, по описанию Палласа, представлен натянутый лук с наложенной на него стрелой, а ниже — всадник на коне с копьем в руках, направленным вперёд и снабжённым на конце трёхлопастным флагом. На левой стороне, наверху — такое же копье, ниже — поперечная черта и что-то, напоминающее выворотный сапог, еще ниже — фигура ребёнка.

Улу-Кыс-таш также с изображением верхней части фигуры человека (рис. 16). На левой грани камня изображён ряд верблюдов, на правой «безобразная рожа дитяти» 9. [46] На рисунке Спасского показано ещё несколько фигур, не отмеченных Палласом, видевшим памятник в лучшем состоянии. Одна из этих фигур, самая нижняя на правой грани, представляющая верблюда или другое животное, отмечена и на рисунке Аспелина, несомненно, более точном.

Кижиташ и Улу-Кыс-таш отличаются от всех других каменных изваяний Минусинских степей техникой и сюжетом изображений. Здесь нет ни барельефа, ни линейного рисунка. Судя по сообщению Аппельгрена-Кивало и зарисовкам Спасского и Аспелина, на гладких поверхностях камня высечены силуэты изображения путём выемки поверхности камня на 4-5 мм за пределами контуров изображаемых фигур. Для изображений использованы три грани камня. На средней грани, в верхней её части, помещено крупное изображение человека, а на других боковых — различные мелкие фигуры в виде отдельных рисунков, как будто композиционно не связанных друг с другом и с главным изображением.

Рис. 15. Кизи-таш — каменное изваяние близ с. Аскыз.

1 — по Спасскому; 2 — по Аспелину.

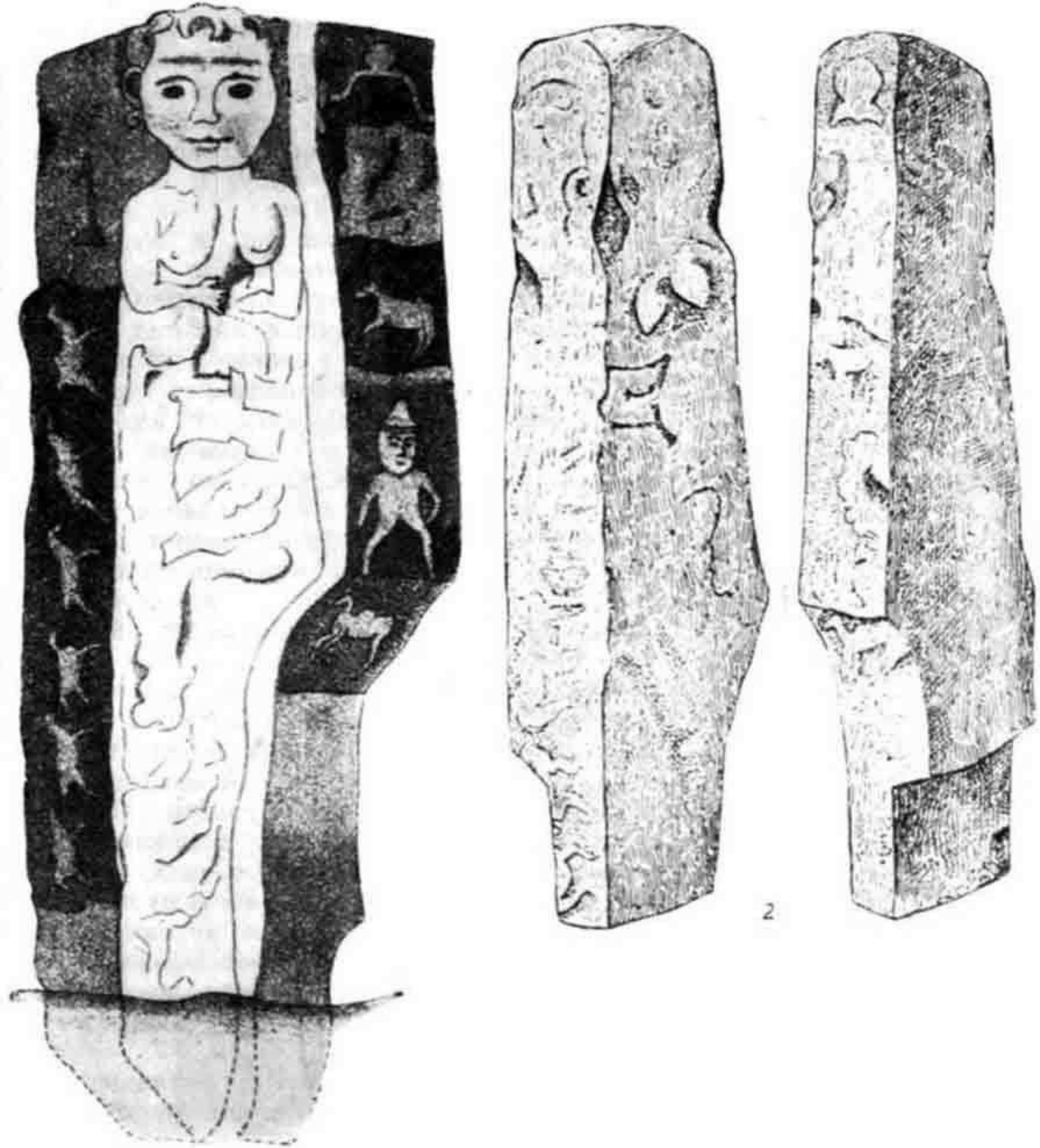

Рис. 16. Улу-Кыс-таш — каменное изваяние близ с. Аскыз.
1 — по Спасному; 2 — по Аспелину.

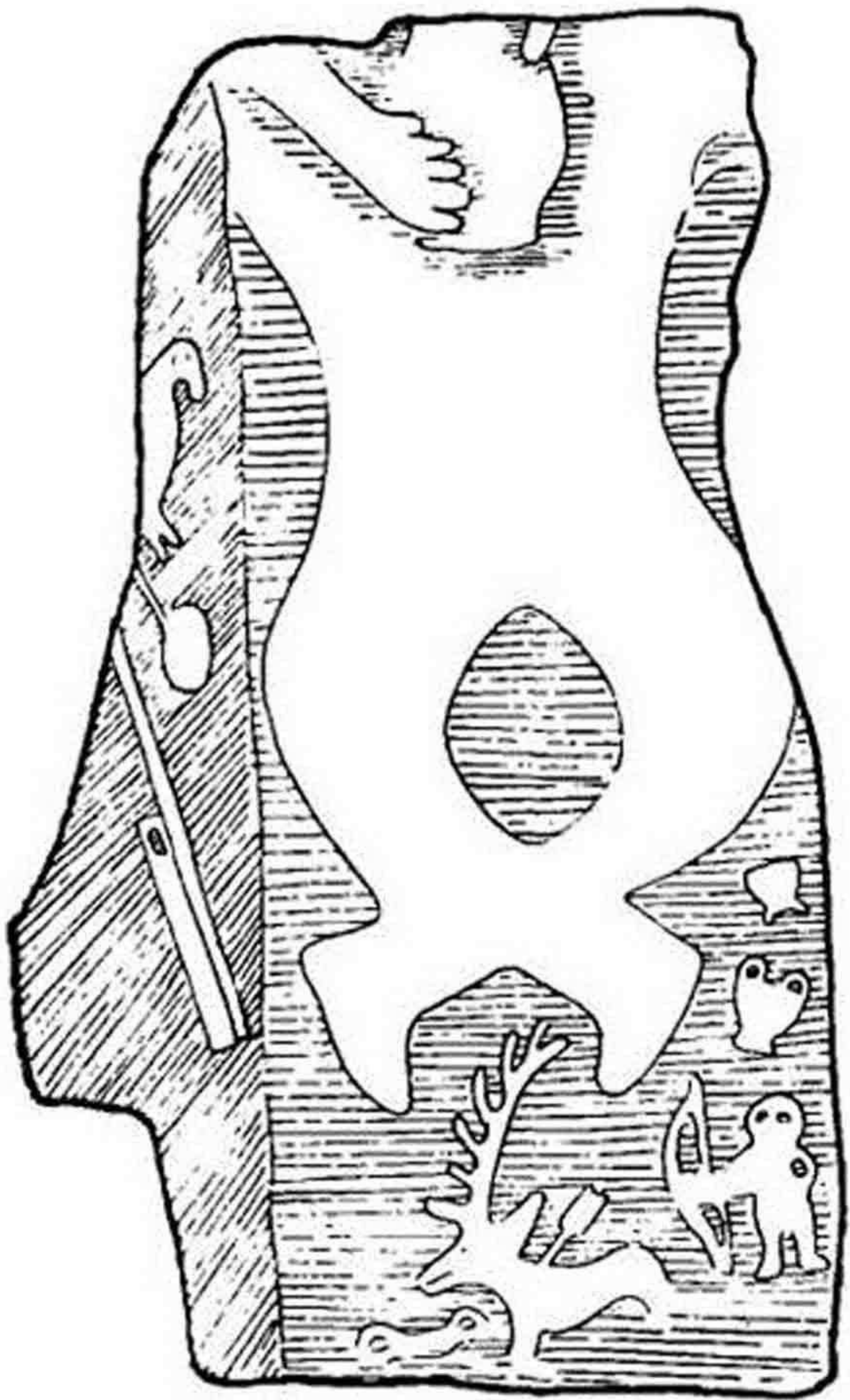

Рис. 17. Каменное изваяние
в Туве.

По технике изображения Кижиташ и Улу-Кыс-таш напоминают так называемые «оленные камни» Забайкалья и Монголии 1, [47] но там углублён рисунок, фоном которому служит гладкая возвышенная плоскость камня, в то время как на наших изваяниях, наоборот, рисунок возвышается на фоне углублённой поверхности камня. Ближайшей аналогией является одно изваяние в Туве с изображением человека с сосудом в руках, сидящего на сложенных «калачиком» ногах, и мелкими изображениями — человек, пораженный стрелой марала, бронзовый котёл, другой сосуд, какая-то птица и еще некоторые непонятные предметы (рис. 17). Здесь совершенно такая же техника изображения, не встреченная более ни на одном другом памятнике в Сибири. Совершенно подобны сюжет и композиция изображений: крупная центральная фигура человека и ряд мелких изображений животных, людей и разных предметов, также охотничьих и боевых сцен. К сожалению, имеющиеся данные во всех трёх случаях не позволяют определить, кого изображает центральная фигура — мужчину или женщину. Местные жители (а вслед за ними и Г. Спасский) принимали одно изображение за мужчину, а другое за «девицу», но они же, как увидим ниже, принимали за «девицу» и изображение воина на Чёрном Юсе.

В памятниках Кижиташ, и Улу-Кыс-таш нет ничего, что связывало бы их с каменными бабами эпохи бронзы. Они не унаследовали от последних никаких традиций ни в технике, ни в сюжете, ни в стиле изображений. Они принадлежат другому типу памятников, отличному от андроновских каменных баб не только по своему внешнему оформлению, но, надо думать, и по своему функциональному назначению и осмыслению. Время их сооружения не может быть пока точно определено. На то, что они по времени значительно позже андроновских каменных баб, указывает наличие в изображениях таких предметов, как копье с трёхлопастным флагом (Кижиташ), известное нам по енисейским писаницам тюркского времени, и бронзовый котёл (тувинское изваяние), известный для минусинской курганной и таштыкской культур. По основному изображению они сближаются с каменными бабами тюркского типа такими деталями, как сосуд в руках (тувинское изваяние и Кижиташ) и положение ног «калачиком» (тувинское изваяние). Не имея других более прочных оснований для датировки этих памятников, сейчас можно ограничиться лишь предположением, что они относятся ко времени около нашей эры или несколько позднее, и считать их ранними формами каменных баб тюркского типа.

Широко распространённые и известные в большом количестве каменные бабы тюркского типа в Минусинских степях представлены всего лишь пятью экземплярами.

Казан-Кыс-таш (девица-камень с сосудом), вероятно, не существующее теперь изваяние (рис. 18). Известно по описаниям Мессершмидта (1722) 1, [48] Миллера и Гмелина (1739) 2, [49] весьма несовершенному рисунку Шишкова (1741) 3 [50] и рисунку Аспелина (1887) 4. [51] Первые исследователи XVIII в. застали его ещё стоящим в небольшой лесной долине близ улуса Ошколь, в 7 км от р. Чёрный Юс. Голова была отбита, но находилась рядом и её можно было поставить на место. Спустя почти 150 лет Аспелин нашёл изваяние уже на новом месте, в 5 км от прежнего (3 км от улуса Подкамень, по дороге на с. Чебаки). Оно было разбито на пять кусков, голова утрачена. Изваяние представляло собой четырёхгранный брус из красного песчаника высотой в человеческий рост 1 [52] с поясным изображением человека. Голова, шея и плечи выполнены круглой скульптурой, остальное — барельефом на гранях камня. На голове изображена шапка, «над верхней губой, возвышается что-то, похожее на усы» (Миллер и Гмелин) 1. [53] В правой руке у груди маленький сосуд. Левая покоится на мече или сабле. Все авторы XVIII в. отмечают пояс, украшенный бляшками («брацкой работы»), с подвешенным мешочком 2, [54] но Аспелин об этом не говорит ни слова и на рисунке не показал. Быть может, к его времени, эта деталь изображения была плохо видна.

Туимское изваяние стояло на ровной степи близ р. Туим, но за три года до посещения его

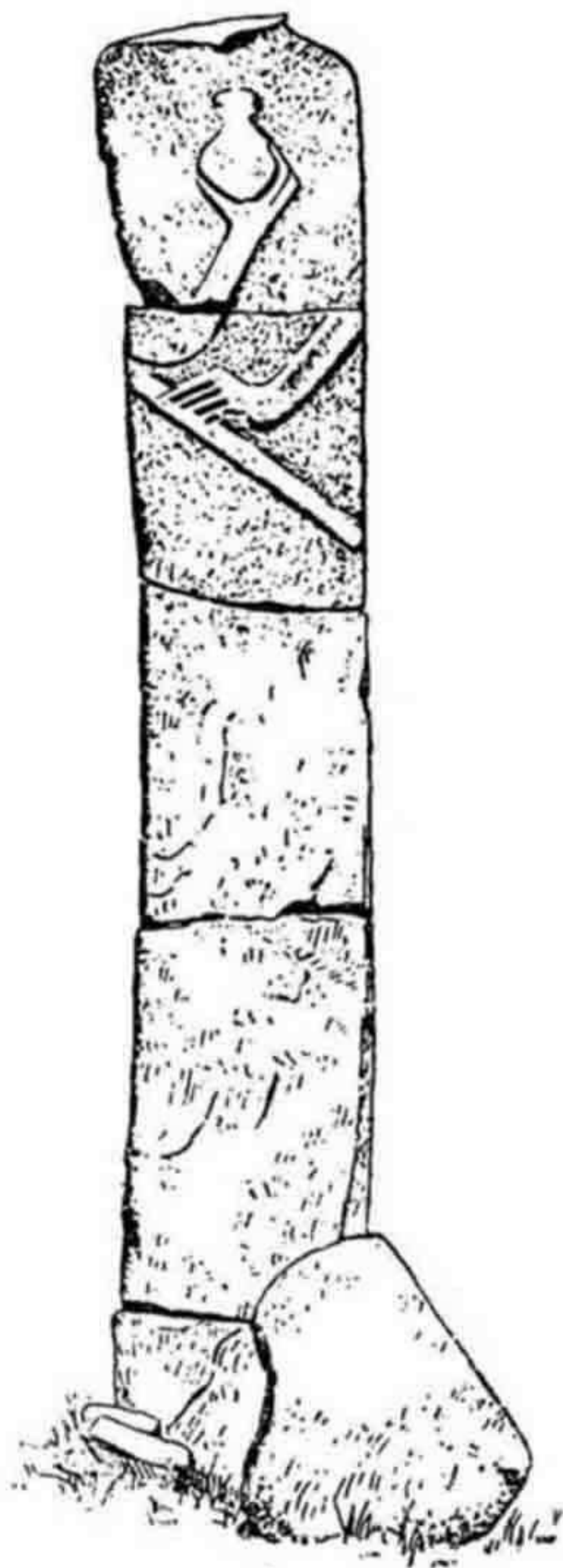
местонахождения Миллером было перевезено в Красноярск, причем голова дорогой отломилась и утрачена. По словам Миллера, видевшего памятник в Красноярске, он «изображает мужскую фигуру, которая, как Хозен-кыс [Казан-Кыс-таш], в правой руке держит перед грудью горшочек, а левой придерживает саблю» 3. [55] Это всё, что известно о памятнике. В Красноярске его сейчас нет.

Тесинский «Богатырь», известный со времени Мессершмидта и Страленберга, находился на кургане или рядом с курганом в степи между реками Ербой и Тесью недалеко от дер. Знаменки (рис. 19, 1) 4. [56] В 1896 г. доставлен по указанию А.В. Адрианова в Минусинский музей, где теперь и хранится 5. [57] Представляет собой каменную плиту, высотой примерно в человеческий рост, которой лишь в самых общих чертах придана форма человека. Детали фигуры выполнены барельефом. Статуя изображает мужчину с усами и бородой, держащего в руках сосуд. На задней стороне весьма схематично показан свисающий вниз головной убор и вырезана трёхстрочная надпись орхонским письмом.

Синявинское изваяние (рис. 19, 2). Хранится в Минусинском музее, куда доставлено из с. Синявино на р. Нине 1. [58] Небольшая высеченная из гранита поясная фигура мужчины без усов и бороды, держащего в руках сосуд распространённого в Сибири типа серебряных кубков тюркского времени (может быть, сосуд в правой руке, а левая на поясе — это не вполне ясно). На поясе по обоим бокам свисают ряды вертикальных коротких ремней 2. [59]

1

2

Рис. 18. Казан-Кыс-таш — каменное изваяние на р. Черный Юс, близ улуса Ошколь.

1 — по Фальку; 2 — по Аспелину.

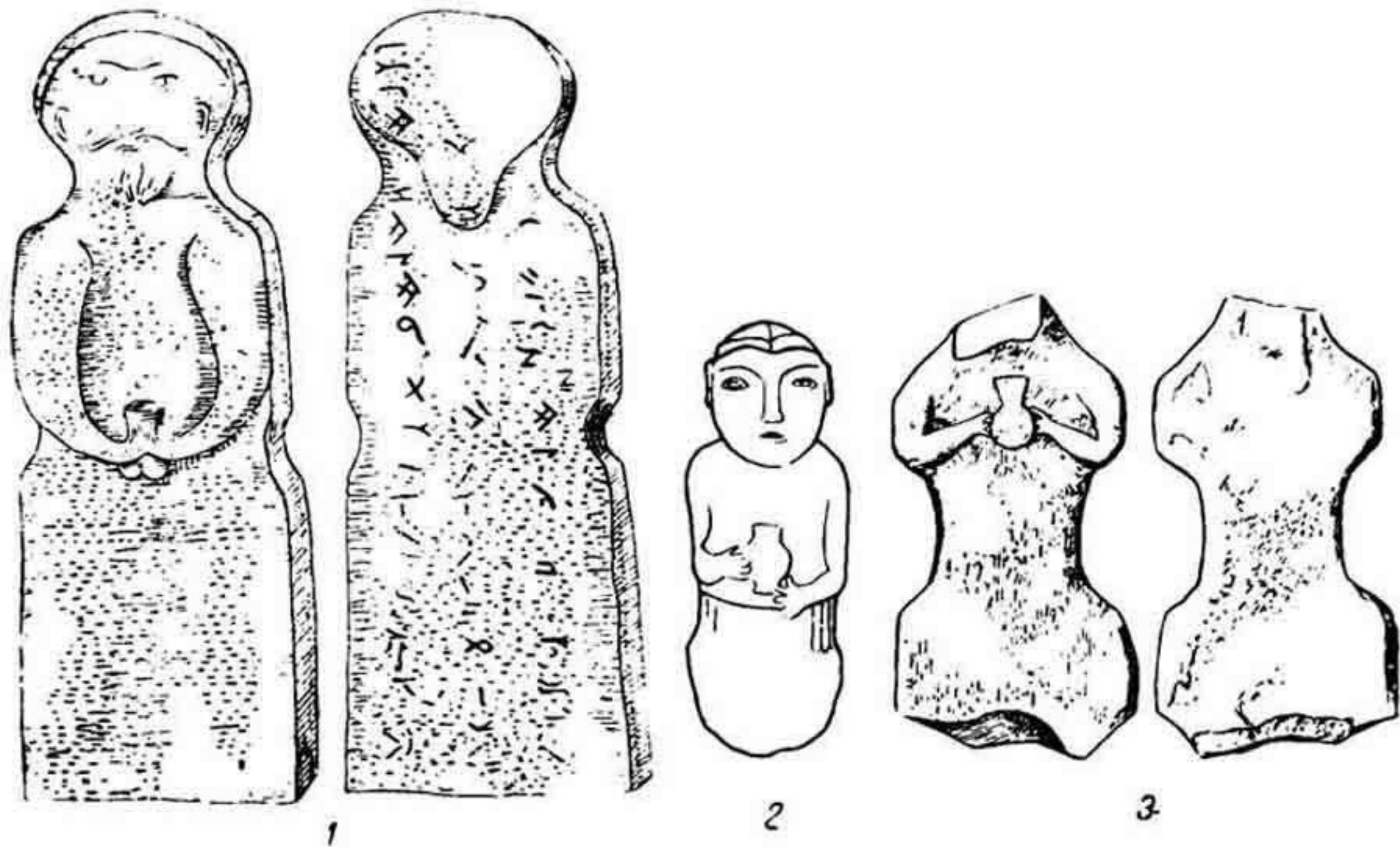

Рис. 19. Каменные изваяния Минусинских степей.

1 — «Богатырь» на р. Тесь, близ дер. Знаменки (по Страленбергу); 2 — на р. Нине, близ с. Синявина; 3 — на р. Аскыз, близ устья р. Базы (по Аспелину).

Аскизское изваяние, открытое Аспелином в 1887 г. на р. Аскыз, в 13-14 км от её устья и в 2.5 км от р. Базы (рис. 19, 3) 3. [60] Голова отбита и утрачена, повреждена и нижняя часть изваяния. Высота сохранившейся части 109 см. Круглой скульптурой передана фигура человека, держащего у груди в обеих руках небольшой узкогорлый сосуд. На задней стороне изваяния, как и у Тесинского «Богатыря», опускающаяся на спину часть головного убора.

Есть ещё указания Кострова на подобного же типа изваяние Кичик-Куртаяк-таш на р. Нине 4, [61] но от включения его в последнюю группу изваяний лучше пока воздержаться, так как примерно так же описанное Костровым и Пискаревым изваяние близ улуса Патанкова на р. Белый Юс оказалось типичным представителем каменных баб эпохи бронзы 5. [62]

Последние пять изваяний, несмотря на различия в иконографическом образе, принадлежат к одному типу, являясь лишь различными его вариантами, относящимися, быть может, к различным периодам эпохи существования подобного рода изваяний. Вопрос об их датировке, культурной принадлежности и назначении может быть решён только при детальном изучении всех каменных баб тюркского типа на всей обширной территории их распространения, что не входит в задачи настоящей статьи. Здесь можно ограничиться пока лишь указанием на то, что поздние каменные изваяния тюркского типа, в том числе и ранние их формы (Кизи-таш и Улу-Кыс-таш), по своему сюжету, композиции, технике изображения принадлежат к совсем иному типу памятников, чем минусинские каменные бабы эпохи бронзы, генетически с ними не связаны и, как будто несомненно, являются надмогильными памятниками. В Минусинских степях на последнее нет пока определённых указаний, но подобные памятники Монголии и Алтая дают многочисленные достоверные доказательства этого положения.

Поскольку каменные бабы эпохи бронзы представляют особую категорию памятников, ничем не связанную с поздними изваяниями тюркского типа, вопрос об их культурно-историческом значении можно рассматривать независимо от последних. Они относятся и к совершенно иной эпохе.

Изваяния тюркского типа появились в эпоху сложения первых государственных образований, а наибольшее их количество принадлежит к периоду, когда оставившие их народы входили в состав различных мощных патриархально-феодальных государств Центральной Азии. Каменные же бабы эпохи бронзы являются памятниками периода первобытнообщинного строя, причём не последней его стадии. Время их ограничивается средней ступенью варварства, ещё за несколько веков до перехода древних минусинских племён на следующую, высшую ступень варварства. Это обстоятельство необходимо иметь в виду при решении вопроса о культурной и социальной значимости минусинских каменных баб эпохи бронзы.

Прежде всего следует отметить, что каменные бабы появляются в начале андроновской культуры, когда минусинские племена переживали переломный момент в развитии их социально-экономической жизни. От охотничьего по преимуществу хозяйства афанасьевского этапа, земледелие и скотоводство в котором служили лишь некоторым подспорьем, они перешли к пастушескому продуктивному скотоводству. Мотыжное земледелие и продуктивное скотоводство стали экономической основой хозяйства, а охота и рыболовство заняли второе место по своему значению. Это было не количественное изменение в развитии скотоводства и земледелия, а качественное. Андроновские племена, по сравнению с афанасьевскими, имели не только больше скота и более обширные посеы, но они перешли от содержания одиночных животных при доме ради мяса к разведению стада с выпасом на пастбищах и использованием молока и шерсти животных; перешли, повидимому, от случайных крошечных посевов к систематическому возделыванию, хотя бы и небольших,

но уже полей. Стадо и поле давали родовой общине какое-то регулярное обеспечение молочными и растительными продуктами, ставшими основой питания в определённые сезоны года. Такая перемена хозяйственной основы общества нашла яркое отражение в могильных памятниках, а именно, в составе пищи, которой снабжали умерших при их погребении. В афанасьевских погребениях мы находим остатки различной пищи, в том числе часто мясо разных видов домашних и диких животных, в андроновских же, известных в большом количестве, остатки мясной пищи ни разу не встречены, зато всегда обнаруживаются глиняные горшки, часто по несколько и больших размеров, поставленные, очевидно, с жидкой или полужидкой молочной и растительной пищей. Как и в реальной жизни, ритуальной пищей стала молочно-растительная.

Новые формы скотоводства и земледелия, новая форма всего хозяйства в целом — потребовали и новых форм социальной организации производственных коллективов для обеспечения ряда новых видов трудовой деятельности. Надо было организовать охрану и пастьбу стад, сооружать загоны для скота и ограды для полей, обеспечить военную защиту своих богатств — скота и урожая, которые стали теперь объектом военной добычи. На все эти трудоёмкие предприятия потребовалась мобилизация новых сил родового коллектива, в первую очередь мужской силы, потребовалось сохранение и закрепление за родом мужчин. В афанасьевскую эпоху, при матриархальной структуре рода, постоянного мужского ядра в его составе не имелось, так как род систематически терял всех своих мужчин, которые по достижении зрелости уходили в род жены. Находящиеся в роде мужчины-мужья принадлежали другим родам, пришли в него извне и поэтому не были прочно с ним связаны ни узами кровного родства по происхождению, ни экономически. Чтобы сохранить своих мужчин у себя, род должен был обеспечить их жёнами, что можно было сделать лишь путём насильственной похищения женщин издали, ломая тем самым установившиеся веками нормы брачных и родовых отношений. Так возник обычай похищения жён из чужого рода или племени, выразительно засвидетельствованный в андроновскую эпоху так называемыми парными погребениями — с мужчиной хоронили и его жену. Так совершился революционный переход от матриархального рода к патриархальному. Революционный потому, что он протекал не в форме эволюционного процесса путём постепенной трансформации старых форм, приведших их к новым, а представлял собой замену одной формы структуры рода другой, совершенную путём разрушения старых норм и создания новых.

Период формирования и закрепления новой социальной организации патриархального рода и семьи был периодом обострения межродовых и межплеменных отношений, периодом, когда вопросы структуры рода, его личного состава, его экономической и военной силы и мощи приобретали особую остроту. В это время чаще и настойчивее приходилось обращаться к предкам, покровителям рода, прибегать к их помощи, утверждать своё право на их покровительство. Надо было более достойно показать силу и могущество своих покровителей. Естественно ожидать в связи с этим возникновение новых форм внешнего выражения культа предков, покровителей рода. Памятником таких новых внешних форм культа предков и являются минусинские каменные бабы, отнесённые мною к андроновской эпохе.

Представления о предках-родоначальниках в основном, вероятно, остались прежними. По-прежнему род ведёт своё начало от женщины-прародительницы. Новым является лишь то, что теперь стали сооружать монументальные каменные изваяния давно уже сложившегося образа женщины-прародительницы, стали воздвигать каменные изображения родового божества. Родовое божество сначала изображалось в виде головы и верхней части фигуры женщины с длинными полосами, помещаемой в верхней части небольшой костяной пластинки (абаканские пластинки), каменного стерженька (Таштыпская фигурка) или на

большой каменной плите (Усть-Есинская Кыс-таш). Далее следуют каменные, почти полные, фигуры женщины с руками, грудью и животом (Уйбатская Кыс-таш и Корчинская баба) или схематические графические изображения головы и плеч женщины (каменные бабы улуса Чаркова и Верхнего Долгого Маяка). В обоих последних случаях лицо пересечено горизонтальной чертой. Наконец, вырабатывается окончательно сложившийся тип минусинских древних каменных баб, на которых изображены голова (иногда и грудь) женщины со звериными рогами, ушами и разными непонятными дополнениями, с одной, двумя или тремя поперечными линиями на лице, часто с третьим глазом на лбу, с четырёхлучевыми кругами по бокам основного изображения — вероятно, солярные знаки. Это — более полное изобразительное оформление культового образа женщины-прародительницы во всей его сложности. Солярные знаки и третий глаз на лбу указывают на космический характер образа. Зооморфные черты — звериные рога и уши — следует связывать с древними традициями, идущими ещё от тотемистических представлений.

Особый интерес представляют каменные бабы с изображением головы зверя наверху, в двух случаях барана (рис. 20, 2 и 3) 1 [63] и в одном — неопределённого зверя (рис. 20, 1). Все три памятника обладают всеми характерными признаками минусинских каменных баб и отличаются от них только тем, что верх камня оформлен в виде головы зверя. Следовательно, это обычный, часто воспроизводимый образ, дополненный головой зверя. Здесь надо видеть не два разных культовых изображения, помещённых на одном камне, а одно, представляющее собой единый образ в двух лицах, образ предка-родоначальника. Ведь древние тотемистические представления связывали происхождение рода с тем или иным зверем. Род вёл своё начало от зверя, а вместе с тем, и от женщины.

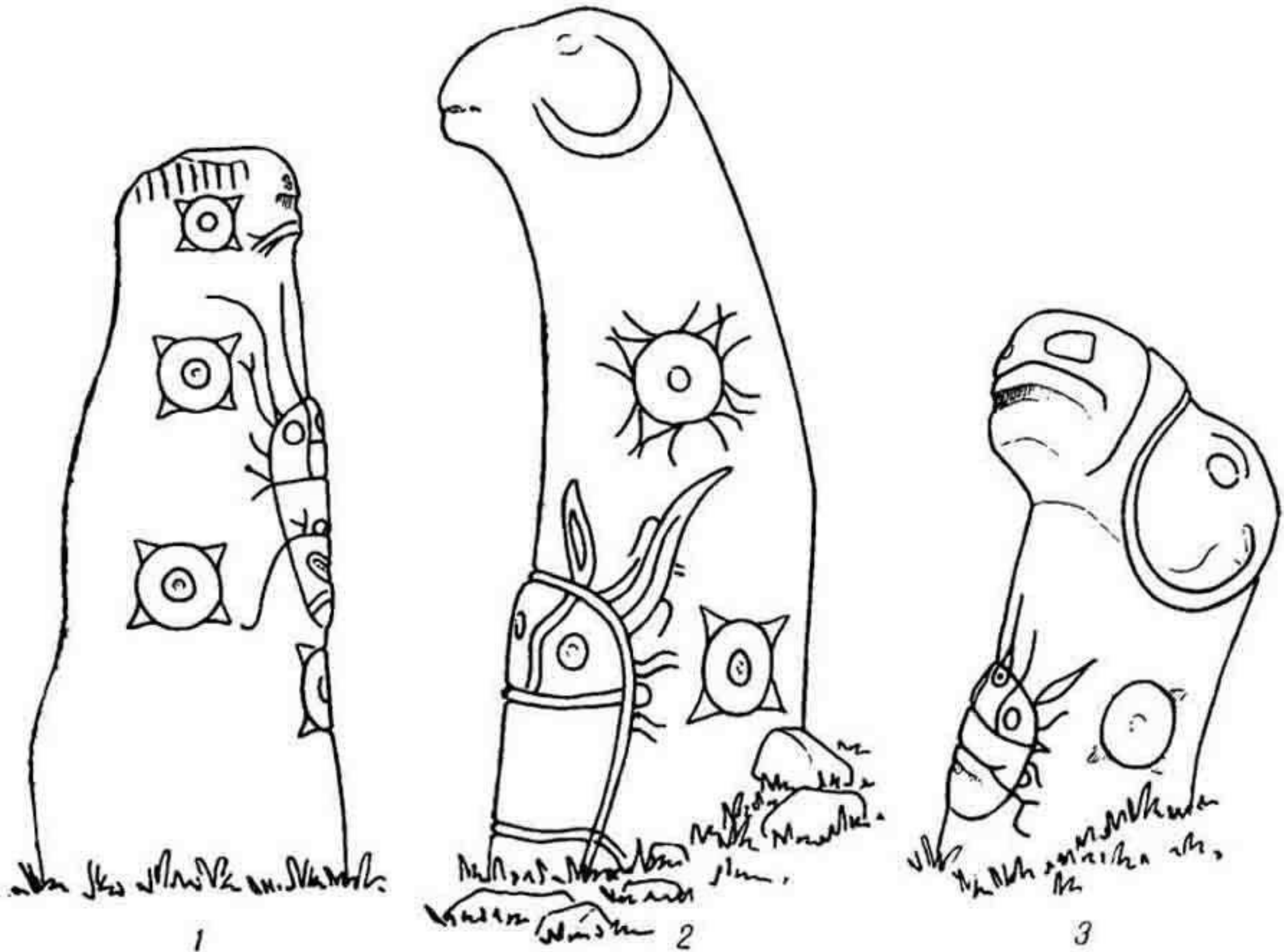

Рис. 20. Минусинские каменные бабы с головой зверя.

1 — на р. Тубе, близ с. Кавказского; 2 — «Чекмакский баран» на р. Бире, близ улуса Усть-Биря; 3 — «Ахмарчинский баран» близ улуса Верхне-Биджвинского; 1 и 3 — песчаник; 2 — гранит.

Вот как, например, представляли себе нанайцы (сомагиры) происхождение рода Дзелор. Девушка 18 лет заблудилась в лесу. Ею овладел тигр. Они прожили несколько лет, как муж и жена. От их потомства и произошёл род Дзелор, члены которого называют тигра отцом и будто бы могли в прежние времена свободно подходить к нему 1. [64] Предания о сожителстве девушки со зверем есть и в более близких к Минусинским степям местах, например у кумандинцев и челканцев Алтайского края. Наиболее же близкой, территориально и хронологически, к интересующим нас памятникам является легенда о происхождении Гаогюй (уйгуров), сохранённая китайской хроникой Бэй-Вэй (386-588 гг.). Согласно этой легенде, у гуннского шаньюя родилось две дочери чрезвычайной красоты. Их считали богинями и потому не выдали замуж, а предоставили небу, поселив их в высоком тереме, в уединении, в необитаемом месте. Спустя четыре года «один старый волк стал дено и ночью стеречь терем, почему вырыл себе нору под теремом и не выходил из неё... Меньшая сестра... сошла к волку, вышла замуж за него и родила сына. Потомство от них размножилось, и составилось государство: посему-то люди здесь любят продолжительное пение или воют подобно волкам» 1. [65]

Интересно, что в приведенных легендах предком-родоначальником является не женщина-мать и не женщина вообще, а девушка. Можно указать и другие примеры представлений о матери-деве. Так, от девушки ведут своё происхождение сеоки (роды) Юз и Мундус у алтайцев 2. [66] Телеуты в образе матери-девы представляют и домашнее божество огня. Обращаясь в своих молитвах к огню, они называют его — «тридцатиголовая огонь-мать, сорокаголовая девица-мать» 3. [67]

Также в образе матери-девы представлялись, повидимому, и родоначальницы древних андроновских племён в Минусинских степях. Характерно, что во всех случаях, когда на андроновских изваяниях показана женская грудь, она изображена в виде двух округлых возвышений, передающих форму девичьей груди, а не кормящей матери. Это очевидно не случайно, так как в первобытном родовом обществе девушка и замужняя женщина-мать принадлежали разным чётко разграничиваемым социальным группам, и когда нужно было представить в скульптуре или рисунке женщину-мать, то груди изображались плоскими, отвислыми, что не представляло для художника каких-либо затруднений как при подыскании удачного приёма передачи форм, так и в технике изготовления изображения. В первобытном искусстве имеется много таких изображений женщины-матери, начиная ещё с палеолитического времени. Укажем лишь один пример таких изображений, когда принадлежность их образу женщины-матери не вызывает сомнений. Это две эскимосские женские статуэтки, вырезанные из моржовой кости и представляющие собой вместилище души умершей женщины. На этих статуэтках грудь изображена в характерной для кормящей матери форме 4. [68]

Таким образом, каменные бабы с головой зверя наверху надо рассматривать как наиболее полное представление образа родового божества предка-покровителя, единого в двух лицах, состоящего из двух начал — мужского (зверя, наверху) и женского (девы, внизу). В отдельных случаях, в разное время, тот же самый культовый образ родового предка могли изображать то в виде женщины (девы), то — зверя, то — женщины, наделённой признаком зверя, то, наконец, обоих вместе.

Хронологически как будто наблюдается смена этих иконографических образов родового божества. Наиболее ранние изображения представляют верхнюю часть женщины-девы, затем даётся почти полная её фигура, а ещё позднее только её голова, наделённая звериными чертами, и иногда над ней голова зверя 5. [69] Однако вряд ли это отражает какие-то изменения в представлениях о божестве-родоначальнике. Вероятнее это развитие только изобразительного выражения одного и того же культово-космического образа. Сначала

изображается только одна составная часть двуединого образа — дева, а затем полный образ — дева и зверь, подобно тому, как в более позднее время у ранних кочевников культово-космический образ мифического орла даётся то в виде его головы, то полной фигуры, то в виде сцены терзания им животного.

Минусинские степи довольно обширны. В андроновскую эпоху они были населены не одним родом, а несколькими, быть может, несколькими племенами. Отсюда понятно большое количество сохранившихся здесь каменных баб — родовых божеств. Понятно разнообразие их как в смысле стилистических особенностей, так и по особенностям изобразительной техники и иконографическим.

Ещё не так давно мы не могли разобраться во всём разнообразии минусинских каменных баб эпохи бронзы. Только новые материалы, ставшие известными за последние полтора десятка лет, и особенно находка 1945 г. в г. Абакане, позволили подойти к решению некоторых основных вопросов по изучению этих замечательных памятников культуры древних племён Минусинских степей. Теперь стало возможным выделить из общей массы памятников их ранние формы, что позволяет исправить, уточнить и обосновать датировку каменных баб. Они относятся не к карасукской эпохе, как это мы считали до сих пор, а к андроновской, начиная с раннеандроновского времени. Появление каменных баб теперь можно связать с определённым моментом в истории развития общественного строя минусинских племён, с периодом ломки матриархального рода и семьи, периодом становления патриархального рода. Последнее позволяет подойти и к правильному решению вопроса о семантике каменных баб. Минусинские каменные бабы андроновского этапа — это памятники культа предков-покровителей, культово-космический образ девы-прародительницы, родовое божество.

Решая так вопрос датировки и назначения каменных баб, мы расширяем наши представления о культуре минусинских племён андроновского этапа — получаем более конкретное освещение их мировоззрения, дополняем картину их социально-экономической жизни, по-новому представляем их изобразительное искусство.

[1] 1 И.П. Фальк сам в Минусинских степях не был, а воспользовался рисунками и описаниями каменных баб, находившимися в воеводской канцелярии г. Кузнецка.

[2] 1 I.R. Aspelin. *Antiquités du Nord Finno-Ougrien*, I. Гельсингфорс, 1877. — W. Radloff. *Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten*, II. Лейпциг, 1884, стр. 91-96 (см. также: В.В. Радлов. *Сибирские древности*. ЗРАО, VII, вып. 3-4, 1895, стр. 169-174).

[3] 2 Н. Ядринцев. *Древние памятники и письма в Сибири*. Лит. сб., изд. ред. «Восточного обозрения». СПб., 1885, стр. 468, 474-476.

[4] 3 Д. Клеменц. *Древности Минусинского музея*. Томск, 1886, стр. 32-42.

[5] 4 Свои первые соображения о классификации древних минусинских культур С.А. Теплоухов опубликовал в 1922 г. очень кратко и не полно. Памятники минусинской курганной культуры и более поздние тогда им ещё не были изучены (см. С. Теплоухов. *Следы доисторической жизни в Минусинском крае*. Географич. вестн., I, вып. 2-3, П., 1922, стр. 27-29). В законченном виде классификация Теплоухова опубликована в 1929 г. (см. *Мат. по этногр.*, IV, вып. 2, 1929; *Природа*, 1929, №6).

[6] 1 См.: М. Грязнов, Е. Шнейдер. *Древние изваяния Минусинских степей*. *Мат. по этногр.*, IV, вып. 2, 1929, стр. 63-93. Основные результаты этой работы кратко изложены в нашей статье в журнале «Природа», 1926, №11-12, стр. 100-105.

[7] 2 Н. Appelgren-Kivalo. *Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial*, von I.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887-1889. Гельсингфорс, 1931.

[8] 3 С.В. Киселёв. *Семантика орнамента карасукских стел*. ИГАИМК, вып. 100, М.-Л., 1933,

стр. 280-292.

[9] 1 Там же, стр. 281-282.

[10] 1 См.: Грязнов, Шнейдер. Древние изваяния, №№17, 46, 49.

[11] 2 Воспроизводимый мною рисунок заимствован из заметки С.В. Киселёва в газете «Советская Хакассия» от 10 VIII 1945, за №159, любезно предоставленной мне автором.

[12] 3 С.В. Киселёв, (в указанной заметке) видит на этой пластинке сочетание изображения человека и быка, с чем вряд ли можно согласиться.

[13] 4 Н. Appelgren-Kivalo, ук.соч., стр. 19 и рис. 242.

[14] 1 А.М. Tallgren. Some North-Eurasian Sculptures. ESA, XII, 1938, стр. 132.

[15] 2 Там же.

[16] 3 Подробное описание см.: А.М. Tallgren, ук.соч., стр. 131, рис. 25.

[17] 4 Так, например, А.И. Пискарёв, пользуясь разными источниками, дважды говорит об этом памятнике, приняв его за два разных и спутав при этом топографические и другие данные. В одном случае это каменная баба «вышиной и шириной 8 вершков, с косою, заплетённою по обеим сторонам головы», находящаяся против ключа Колазова по дороге от Аскыза к думе (Усть-Еси); в другом — «она туземцами называется девкою, вышины полтора аршина» и находится около устья р. Аскыз, в горе Сорою См.: А.И. Пискарёв. О местонахождении каменных баб в России. ЗАО, III, 1851, стр. 218.

[18] 5 См.: В. Радлов. Сибирские древности, I, 3, стр. 95; МАР, №15, 1894.

[19] 6 I.P. Falk, Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs, I, стр. 348, табл. 3. Он пользовался, по всей вероятности, рисунками и описаниями геодезиста И. Шишкова, сделанными по поручению В.П. Татищева около 1740 г. Во всяком случае это несомненно для каменной бабы на р. Юсе, называемой «Казан-кыс-таш» (ср. наш рис. 17, заимствованный из цитируемой книги Фалька, и у В. Радлова, в ук.соч., рис. на стр. 143).

[20] 1 Однако на своём рисунке он представил камень в вертикальном положении, нижней частью врытым в землю.

[21] 2 Что значит вторая цифра длины камня, заключённая в скобки, мне непонятно.

[22] 3 М.А. Castrens, Aufzeichnungen über die Altertümer im Kreise Minussinsk. SMYA, XXI, 1901, стр. 23-24, рис. 20. По техническим соображениям зарисовку Кастрена воспроизвожу по книге Аспелина: Antiquités du Nord Finno-Ougrien, I, рис. 340.

[23] 4 Н.А. Костров. Список каменным изваяниям, находящимся в Минусинском округе, Енисейской губернии. ВРГО, X, 1854, стр. 74-75.

[24] 5 W. Radloff. Aus Sibirien, стр. 92-93; русск. пер.: ЗРАО, VII. Вып. 3-4, стр. 170-171.

[25] 1 См.: Н. Appelgren-Kivalo, ук.соч., стр. 19, рис. 233 и 234.

[26] 2 Судя по тому, что Кастрен, изучавший камень в целом виде, отмечает в изображении наличие только лица и плеч (SMYA, XXI, стр. 24), надо думать, что другие части фигуры женщины не были изображены.

[27] 1 Воспроизвожу по фото И.П. Кузнецова, хранящемся в Томском университете.

[28] 2 Размеры даны по Аппельгрэн-Кивало (ук.соч., стр. 18). По Аппельгрэн-Кивало, памятник находится в 3 верстах к северу от Апакова улуса. На фото Кузнецова местонахождение бабы указано в 300-400 саженьях от Асочакова улуса в сторону от р. Абакана.

[29] 1 См.: Грязнов, Шнейдер, ук.соч., №73.

[30] 2 Там же, №17.

[31] 3 К сожалению, М.М. Герасимов не смог произвести раскопку могилы, в ограде которой стояло изваяние.

[32] 1 Известна мне по фотографии Минусинского музея, хранящейся в фотоархиве ИИМК.

[33] 2 Может быть, третьим таким же памятником является каменная баба «Узун» близ улуса Барбакова на р. Чёрный Юс. По Кострову и Пискарёву, на камне обозначены голова, нос, рот и одна рука, передающие женский облик. См.: Костров, ук.соч., стр. 76. — Пискарёв, ук.соч., стр. 218.

[34] 1 См.: Аппельгрэн Кивало, ук.соч., стр. 9 и рис. 115.

[35] 2 См.: Грязнов, Шнейдер, ук.соч., №48.

[36] 1 По всей вероятности и область распространения минусинских каменных баб была значительно шире. Сейчас она почти точно совпадает с границами Хакасской автономной области, т.е. с областью распространения местного кочевого скотоводческого хозяйства. На правобережье Абакана и Енисея, занятых с начала XVIII в. русскими хлебопашцами, известна только одна каменная баба (с. Кавказское на р. Тубе, см. рис. 20, 1), сохранившаяся, быть может, только потому, что она лежала на земле, скрытая от взоров растительным покровом. Поскольку другие памятники андроновской, карасукской и других культур в равной мере распространены как на левом, так и на правом берегу Енисея, надо думать, что и каменные бабы были в своё время на обоих берегах, но на правобережье Абакана и Енисея они полностью уничтожены новыми пришельцами с их более развитым хозяйством, переделаны на жернова, фундаменты домов и т.д. (Карту распространения каменных баб см.: Грязнов, Шнейдер, ук.соч., стр. 89). К подобной мысли склонялся и Н. Попов (Н. Попов. О каменных бабах Минусинского края. ИСОРГО, II, №4, 1871, стр. 62).

[37] 1 См.: Грязнов, Шнейдер, ук.соч., стр. 82. Подробные сведения об условиях находки памятника имеются в архиве ИИМК, дело №33, 1903 г.

[38] 1 Указания о местонахождении этих памятников, сообщаемые разными авторами, противоречивы. Несомненно лишь, что они находились по соседству с известной Улу-Куртуяк-таш (см.: Грязнов, Шнейдер, ук.соч., №43), недалеко от большого кургана, видимого из с. Аскыз.

[39] 2 П.С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, полов. I., СПб., 1788, стр. 501.

[40] 3 См. Костров, ук.соч., стр. 13.

[41] 4 См. Аппельгрэн-Кивало, ук.соч., стр. 17.

[42] 5 См. Костров, ук.соч., стр. 73-74.

[43] 6 См. Аппельгрэн-Кивало, ук.соч., стр. 17. За год до этого Д.Н. Клеменц писал, что Улу-Кыс-таш уже не существует (см.: Д. Клеменц. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Томск, 1886, стр. 33). Не исключена возможность, что эти интересные памятники еще не совсем погибли, они могут быть найдены и детально изучены.

[44] 7 Григорий Спасский. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и о сходстве некоторых из них с великорусскими. ЗРГО, XII, 1857, табл. I, рис. 4, 5.

[45] 8 См.: Аппельгрэн-Кивало, ук.соч., рис. 211, 212.

[46] 9 Паллас, ук.соч., стр. 501.

[47] 1 См.: Труды Орхонской экспедиции. Атлас древностей Монголии, вып. I, табл. IV, рис. 5 и 6. — Д. Клеменц. Отдельная экскурсия в Восточную Монголию. ИАН, 1896, IV, №1, стр. 46-47.

[48] 1 См.: В. Радлов. Сибирские древности, I, вып. 1, стр. 16.

[49] 2 Там же, I, вып. 3, стр. 92.

[50] 3 Там же, стр. 143. По техническим соображениям воспроизвожу рисунок не Шишкова, а Фалька, который, несомненно, является копией первого (см.: И.П. Фальк, ук.соч., табл. 4, 1).

[51] 4 См.: Аппельгрэн-Кивало, ук.соч., стр. 42 и рис. 301.

[52] 1 Указания размеров различны: Мессершмидт — 5½ фут. (168 см), Миллер — 1¾ арш. (124 см), Гмелин — ¾ человеческого роста (ок. 120-125 см), Шишков — 135 см, Аспелин — 165 см без головы.

[53] 1 Мессершмидт говорит, что усы похожи на польские, а борода довольно длинна и редка.

[54] 2 По Мессершмидту и Шишкову, два мешочка — один слева, другой справа.

[55] 3 См.: В. Радлов. Сибирские древности, I, вып. 3, стр. 93.

[56] 4 Не располагая фотографией или хорошей зарисовкой, воспроизвожу старый рисунок Страленберга, дающий далеко не точное, но в общем правильное представление о памятнике.

[57] 5 См. А.В. Адрианов. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае. Изв. Русск.комит. для изуч. Средн. и Восточн. Азии, 1904, №4, стр. 30.

[58] 1 Фоторепродукцию см.: Грязнов, Шнейдер, ук.соч., рис. 11 на стр. 87.

[59] 2 Это изваяние принадлежит характерному типу памятников, распространённых в Туве. Во время печатания настоящей статьи Л.А. Евтюхова сообщила мне, что имевшееся в Минусинском музее указание о происхождении изваяния ошибочно. Ей удалось установить, что изваяние привезено в Минусинск не из с. Синявино, а из Тувы. Таким образом, оно должно быть исключено из числа памятников Минусинских степей.

[60] 3 См.: Аппельгрэн-Кивало, ук.соч., стр. 18 и рис. 216.

[61] 4 Костров, ук.соч., стр. 74.

[62] 5 Там же, стр. 76. — Пискарёв, ук.соч., стр. 217. У Кострова указан улус Ботажаков. Это опечатка, следует читать: Батанаков.

[63] 1 Вероятнее всего — это аргали, а не домашний баран, как до сих пор нам представлялось (см.: Грязнов, Шнейдер, ук.соч., стр. 86. — Киселёв, ук.соч., стр. 285). Не только в памятниках карасукской эпохи нет изображений домашних животных, но их нет и среди огромного количества изображений зверей времени ранних кочевников, кроме нескольких случаев, где сюжетом изображения являются мифы о легендарных героях.

[64] 1 Сообщение Б.А. Васильева.

[65] 1 Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. 1. СПб., 1851, стр. 248-249.

[66] 2 Л.П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948, стр. 255.

[67] 3 Н.П. Дыренкова. Культ огня у алтайцев и телеут. Сб.МАЭ, VI, 1927, стр. 75.

[68] 4 С.В. Иванов. О значении двух уникальных женских статуэток американских эскимосов. Сб.МАЭ, XI, 1948, стр. 162-170.

[69] 5 Непонятными пока остаются каменные бабы с изображением двух голов — одной, обычного типа, внизу, другой, выполненной барельефом или в круглой скульптуре без каких-либо не свойственных человеку дополнительных черт, вверху (см.: Грязнов и Шнейдер, ук.соч., №№39, 40, 42, 43). Только в одном случае оба изображения выполнены совершенно одинаковой техникой и в том же стиле (см. там же, №54 и наш рис. 2, 4). Надо думать, что и в этих изображениях верхняя голова представляет собой компонент двуединого образа, но в данном случае это не зверь, а также человек.